

ПИСЬМА А.П.КАЛИТИНСКОГО В СЕМИНАРИИ ИМ. Н.П.КОНДАКОВА

Продолжая исследования, посвященные истории взаимоотношений Института Гималайских исследований «Урусвати» и Археологического института им. Н.П.Кондакова в Праге,* мы сочли интересным и важным обратиться к наследию А.П.Калитинского (1880-1946), деятельность которого как руководителя Кондаковского института оказала решающее влияние на судьбу пражского учреждения и развитие отечественной науки за пределами России.

Александр Петрович Калитинский родился 30 июня 1880 года** в семье штабс-офицера Русской армии. В 1907 году он окончил курс по отделению естественных наук физико-математического факультета Императорского Новороссийского университета в Одессе с дипломом I степени. По окончании университета состоял преподавателем математики и естественной истории в Одесской частной женской гимназии Л.Д.Чудновской (1906-1909), а затем преподавателем географии в Московской частной женской гимназии Е.Е.Констан (1909-1910). 24 мая 1910 года А.П.Калитинский был зачислен действительным слушателем Императорского Московского Археологического института (ИМАИ) по археологическому отделению. В стенах Института он начал серьезно заниматься научной работой, участвовал в заседаниях Совета ИМАИ. Выступал неоднократно с лекциями, освещающими предмет и задачи первобытной археологии. Обладая аналитическим умом и навыками, полученными на естественном факультете университета, он проявил себя на научном поприще как талантливый классификатор. Одна из его первых лекций перед членами Совета ИМАИ была посвящена «Классификации орудий древнего каменного века» (5.04.1915). В 1915 году Калитинский был избран на преподавательскую должность в Институте сразу по двум кафедрам — Бытовой и Первобытной археологии. Причем Калитинский сменил на преподавательской работе в Институте известного археолога В.А.Городцова, что для начинающего ученого и молодого профессора было большой честью. В связи с деятельностью в ИМАИ Калитинский познакомился с такими учеными как Н.П.Кондаков, М.И.Ростовцев, Н.К.Рерих, кн. М.К.Тенишева и др.

* См.: Ариаварта. Начальный выпуск. СПб, 1996. С.153-198.

** По другим сведениям — в 1879 году. См. : Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа — Grezine Ivan. Inventair Nominatif des Sepultures Russes du Cimetiere de Ste-Genevieve-des Bois. Paris, 1995.

После революции 1917 года деятельность ИМАИ была прекращена. Закрылись Московская женская гимназия и Университет Шаняевского, где Калитинский также состоял на преподавательской работе. Надо было искать заработок для жизни. Неожиданно он стал директором Оперы Зимина и вошел в состав Правления Московского Художественного театра (МХТ), на сцене которого играла его жена, видная московская красавица, актриса М.Н.Германова.

Вместе с Качаловской группой МХТ, гастролировавшей на Украине, а затем на Кавказе, Калитинский оказался на юге России. Оттуда вынужденная эмиграция в Европу — русские артисты выступали со спектаклями в Болгарии, Сербии, Чехии. Осенью 1920 года мхатовцы прибыли на корабле в Босфор. После долгого стояния там 14 октября отправились в Софию. Вот что пишет в своих мемуарах непосредственный участник событий В.В.Шверубович: «Мы ехали ночью, было холодно, голодно и жутко. И всё-таки наши актеры пели хором, Орлова и Греч пели свой дуэт “Когда будешь большая”, Калитинский в темноте рассказывал о Византии и болгарях, о щите Олега на вратах Царьграда, о Фракии, по которой мы ехали...»*

Семья Калитинских с начала 20-х годов обосновалась в Праге. М.Н.Германова при покровительстве чехословацкого правительства объединила русских артистов в Пражскую группу МХТ. Закипела театральная жизнь. Калитинский получил профессорскую кафедру в Университете. В Праге он близко сошелся с Н.П.Кондаковым, который вел византологический семинар. После смерти Кондакова в 1925 году идея проведения семинара была поддержана его учениками, и вскоре Семинариум Кондаковичанум (Seminarium Kondakovianum — так он назывался) стал заметным явлением в научном мире Европы. Возглавил работу Семинария профессор Калитинский, и позже, после преобразования Семинария в Институт им. Н.П.Кондакова, он был избран его первым директором (1931-1935).

Калитинский являлся душой Семинария. В работе ему отводилось особенное место — не просто организатора, но и генератора идей. «Он был отличный организатор, прекрасный психолог... более того — он был крупнейший методолог, может быть лучший методолог, которого я встречал в этот период своей научной жизни, — вспоминал сотрудник Кондаковского семинара Н.Е.Андреев. — Это особое качество профессора Калитинского, его собственные работы, которые не были широкими по диапазону и стремились к большой детальности и, даже можно сказать, углубленной узости, если можно выразить таким образом сущность его исследовательских работ, — все они отличались замечательной методологической выдержанностью. Поэтому обычно его теории невозможно было опровергнуть — нравится или не нравится, материал был продуман логическим образом и представлял собой нечто методологически цельное. И его собственные работы придавали ему ореол ученого высокого класса».**

* Шверубович В.В. О старом Художественном театре. М., 1990. С.290.

** Андреев Н.Е. То, что вспоминается. В 2-х тт. Таллинн: Авенариус, 1996. Т.1. С.296.

Научные труды Калитинского были посвящены периоду Византии и Древней Руси. Как ученый он сосредоточил свое внимание на изучении византийских фибул, распространенных на юге России и на Кавказе. Более десятка его работ вышли из печати в конце 20-х годов в сборниках статей по археологии и византиноведению, издаваемых Семинарием Кондакова. В тот же период Калитинский часто выступал с научными докладами на различные темы: «Н.П.Кондаков и археология Кавказа» (24.02.1926), «О фибуле подвязного типа» (29.10.1926), «К вопросу о происхождении “готской” фибулы» (4.11.1927), «Памяти академика Я.И.Смирнова» (14.11.1928) и др.

Осенью 1930 года Калитинский серьезно заболел и вынужден был переселиться к семье, находившейся в то время уже в Париже. Из Франции он продолжал руководить работой Семинария (впоследствии Института Кондакова). Однако, к полноценной научной деятельности возвратиться ему не пришлось. Вместе с тем в Париже Калитинский посещал Историко-генеалогическое общество, выступал с докладами на его заседаниях; состоял также членом Правления Общества «Икона», созданного в 1927 г.; принимал участие в разборе и научном описании архива М.К.Тенишевой, подготавливая к изданию ряд ее трудов. Биография Калитинского конца 30-х годов не была отмечена яркими событиями. Он тихо скончался в Париже в 1946 году.

Публикуемые ниже письма А.П.Калитинского написаны им из Франции и адресованы сотрудникам Семинария и Института Кондакова в Праге. Они освещают один из наиболее сложных этапов в жизни Кондаковского семинара, период преобразования его в Институт и становления как научного учреждения, основанного русской эмиграцией за границей. Хранятся письма в архиве Института истории искусств Академии наук Чешской республики (Прага). Публикация В.А.Росова.

1. Н.Г.Яшвиль

28, rue de la Tourelle,
Boulogne sur Seine.
27 июля 1930

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна [1],

Вчера я был у Рериха [2] — ходил ему показывать Вашу икону Св.Иосафа. И вот что он просил сделать: 1) поместить фигуру царевича ближе в центре; 2) одеть царевича в плащ с мелко-травчатым орнаментом; вообще одеть его так, как одет пророк Соломон (см. наш альбом [3], табл. X), но расцветку, краски оставьте Ваши, не меняйте; 3) где-нибудь

на плече поместить изображение креста по прилагаемому рисунку А;* 4) вместо многоэтажной башни (на Вашем рисунке справа) изобразить буддийскую «ступу» по прилагаемому рисунку В;* 5) вместо здания с зеленым куполом и прилегающей к нему галереи — изобразить постройку из Аджанты, табл. XIV (эта книга есть у них в библиотеке); 6) благословляющую руку изобразить без рукава и выходящей из облака и с лучом света; 7) лошадку сделать белой и оседланной, как на рисунке С,* помещенном на Вашем эскизе внизу (карандашом); 8) на реке, справа, вместо птицы поместить раскрытый лотос (таковой имеется опять в Аджанте); 9) Ваш лотос уничтожить; 10) в украшение зданий внести золото.

Завтра Ник. Петр. <Толль> [4] выезжает в Прагу, а я собираюсь быть там 14-го или 15-го августа и останусь уже, вероятно, до декабря. Сейчас я несколько оправился, хотя все еще кашляю; а, главное, томит меня слабость.

Очень перед Вами виноват по части корреспонденции. Простите. Очень благодарю за память и ласку. Поклонитесь от меня Матушке [5] и Татьяне Николаевне [6]. Марья Николаевна [7] Вам всем очень кланяется, Андрюшка [8] целует ручки.

Я написал в Министерство (Завазилу и Максе [9]) просьбу, чтобы помогли нам с перевозкой эмалевой мастерской [10], т.е. чтобы освободили от пошлин и разрешили бы здешнему консулу все перевезти на казенный счет. Если Вы будете в Праге, может быть, зайдете к нашим благодетелям поговорить об этом. Простите меня, дорогая Наталия Григорьевна, что беспокою Вас этим. Очень может быть, что ни Завазила, ни Макса сейчас в Праге нет, да и все это дело, вероятно, пройдет только осенью, когда я сам буду уже в Праге. Поэтому специально для этого не выезжайте в город, а так, если случайно будете.

Всего, всего хорошего, будьте здоровы.

Искренне Вам преданный и благодарный,

А.Калитинский

---

* Рисунки А, В и С отсутствуют.

2. Н.П.Толлю

3 июля 1931

Дорогой Николай Петрович,

Спасибо, письмо Ваше я получил. Вот только нет у меня Вашего адреса — забыл название улицы и номер дома, поэтому пишу по-прежнему в адрес княгини <Н.Г.Яшвиль>. Свой же пришлите мне обязательно.

Из письма Вашего вижу, что дела Семинария плохи, но думаю, что не безнадежны. Однако, не все мне понятно в Вашем письме. Первое, содержание «мальцов» [11]. Разве канцелярия Президента не внесла еще денег? Когда была здесь Б.О.Ельшлегера, то говорила, что задержка произошла лишь по вине самой канцелярии. Если действительно так, насыдьте на Б<ожену> О<сиповну>. Далее, очень бы мне хотелось знать подробнее о намеках чехов, мнении Нидерле [12] и т.д. О Мин<истерстве> ин<остранных> дел все та же Б.О. говорила, что симпатии его к нам не изменились, уговаривала меня поскорее вернуться в Прагу. Неужели это говорилось только в утешение? Я ей даже поручил переговорить с Крофтой о том, чтобы еще по крайней мере на год продолжить усиленную покупку наших изданий, мотивируя это тем, что, когда нами составлялся план издания «Рус<ской> Ик<оны>», то имелось в расчете именно эта усиленная закупка для Слав<янской> библи<отеки>.

Очень мне хотелось бы знать также, что скрывается за отказом М.А.Андреевой [13].

Почему так опасно сейчас для Семинария отсутствие легализации? Меня это очень беспокоит. Я помню, Вы всегда были первый против нее. Не скрывайте ничего. В какой форме Вы хотите ее провести? Если не трудно, пришлите мне проект. Совсем ли Вы отказались от проекта, который прислал мне Д.А.<Расовский> [14], и что писал и пишет Г.В.<Вернадский> [15]? Простите мне всю эту кучу вопросов. Вам ведь там виднее, конечно, как поступать, чем мне.

Что Вы думаете о том, чтобы мне приехать осенью в Прагу? Я там могу заканчивать свое лечение (оно очень тяжелое и мучительное, но результаты его очевидны). Будет ли это полезно для Семинария? Пишите все совершенно откровенно, с деловой точки зрения.

Мне до сих пор мой доктор не позволял никуда выходить, но вот через неделю я буду у него для контроля и надеюсь, что запрет свой он снимет.

Тогда не попытаться ли повидать кого-нибудь здесь на предмет разговоров о помощи Семинарию? Вот только начинается здесь мертвый сезон.

Дорогой мой друг, жду с нетерпением от Вас вестей. Скажите Д.А. <Расовскому>, что заранее благодарю его за письмо — он умеет писать, если захочет. Очень меня радуют наши «мальцы». Дай им Бог успеха в жизни и в науке. Поцелуйте дочку, а у супруги ручку.

Искренне Вас любящий,

А.Калитинский

3. Д.А.Расовскому

14 июля 1931

Дорогой Дмитрий Александрович,

Спасибо, бесконечно спасибо, за Ваше основательное письмо. Я теперь ко всем Вам пристаю — все хочу погрузиться в атмосферу Семинария. С меня вдруг сошла какая-то пелена, как-будто сняли с моей головы колпак и я все увидел и все услышал. И хочется мне знать, остались ли Вы все моими друзьями, сохранилось ли у Вас ко мне прежнее доверие, примете ли в свою рабочую семью? Что жалости у Вас всех ко мне много, я знаю и чувствую, но нужен ли я Вам так, как раньше был нужен каждый из нас друг другу, несмотря на все его индивидуальные недостатки и неприятные черты. Если бы я вновь вошел по-прежнему в Семинарий, то в сердцах ваших отвели бы Вы все мне прежнее место? Все это, конечно, «сентименты», но, ведь, и все это дело было основано на сентиментах, а не на каких-либо побуждениях выгоды. Мне уж так много лет, что меняться невозможно, потому и простите за докуку, за все эти вопросы.

Сейчас Вы, вероятно, уже знаете о письме Ю.Рериха [16], копию которого я переслал Ник. Пет. <Толлю>. Чем больше я о нем думаю, тем больше мне кажется, что переговоры нужно возобновить и добиться в конце концов своего, т.е. постоянной помощи Семинарию с их стороны. Мне кажется, что этого можно добиться.

Я очень радуюсь за Вас, за Вашу поездку в Под<карпатскую> Русь. Пошли Вам Бог удачи. Хорошо и с Америкой.

Что же ответил гр.Коконцев [17] на то письмо, копию которого Вы мне прислали? Или ничего не ответил?

Окончательное разрешение вопроса о Ник. Пет. <Толле> придет, если добудем тем или иным путем денег, а паллиативом не послужит ли мое возвращение осенью в Прагу? Как Вы думаете?

Кончаю, чтобы сегодня пошло письмо, а то Вы 20-го, ведь, уезжаете.

А что Вы думаете, не написать ли мне некролог де-Бая [18]? К концу-то года, пожалуй, и можно поспеть.

Всего, всего хорошего, храни Вас Господь,

Ваш *А.Калитинский*

4. Н.Г.Яшвиль

28 сентября 1931

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Благодарю Вас за письмо и хлопоты и еще раз прошу прощения за причиненное беспокойство. Чего-либо утешительного о нашей жизни здесь сообщить не могу, ибо живем мы в каком-то неопределенном тумане. Одна надежда только на милосердие и милость Божию.

Заходил к нам Татищев и передал от В.П.Волковой для Вас письмецо и пакет. Первое прилагаю при сем, а второй пока задержал у себя; в нем три жития и три открытки Св.Вячеслава. Сейчас только заметил, что в письме звенят деньги. Посоветовавшись с М<арьей> Н<иколаевной>, решили их извлечь, чтобы не задерживать пересылку самого письма. Всего денег шесть шиллингов. Задерживаем и их в надежде, что фунт подымется. Тогда переведу прямо на Семинарий.

Был у меня В.Н.Лосский [19]. Жаль, что он так конфузлив и разговаривать с ним трудно. Эмалевую иконку передам кн. Четвертинской [20] на днях. На меня работа Т.Н.<Родзянко> произвела впечатление большого достижения, как теперь принято выражаться. Пошли Бог дальнейших успехов.

Марья Николаевна, Андрюша кланяются Вам всем. Храни Вас Господь.

Сердечно Вам благодарный,

А.Калитинский

5. Н.Г.Яшвилъ

20 января 1932

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Спасибо Вам за добрую память обо мне и за Ваши пожелания. Я долго не писал Вам — уж очень было мрачно на душе. Если бы не то чувство надежды, которое не покидает меня с тех пор, как я получил от Татьяны Николаевны иконку Св.Пантелеймона, не выбратся бы мне. Умолил видно, за меня Господа святой Угодник. Лечение свое я кончил, и после контрольного срока доктор сказал, что повторять его еще не нужно. В противоположность прежнему теперь он упорно и категорически настаивает на том, чтобы я не только стал выходить и общаться с людьми, но и обязательно принялся за обычную работу. И вот у меня такое ощущение, как будто вернулся я из далекого и длинного путешествия — все ушли куда-то вперед. Догоню ли? Но, раз Бог вернул меня в этот мир, нужно идти указанной дорогой. А Бог меня позвал, как говорил владыка Сергей, когда был здесь. Ему верю.

Тянется мысль моя и сердце к Вам в Прагу, к кондаковскому делу, и беспокоят меня до тоски рериховские переговоры. Вот получил я новое письмо от Юрия Николаевича <Рериха>. Посылаю Вам копию его, прилагаю и проект моего ответа.* Очень прошу обсудить его в Правлении. Рассматривайте его именно как проект. Первое впечатление от письма Ю<рия> Н<иколаевича> у меня было таково, что хотелось ответить кратко и резко и сразу прекратить всякие переговоры. Но раздражение и гнев плохие советники, и уже на следующий день вылился тот ответ, что посылаю Вам на обсуждение. Кажется мне теперь более правильным не терять хладнокровия и, поставив точки над «і», дать событиям завершиться самим. Если одобрите мой ответ, известите, и я тотчас же пошлю его, если нет — сделайте все поправки, какие Правление хотело бы внести, а то и просто сами составьте желательный ответ и пришлите мне. Не взваливать свою вину на Правление хочу, но сознавая ее, хочу поправиться и ищущу для этого наилучшего пути. Но, может быть, я не прав, подозревая Гималаи в недобросовестности только на том основании, что они не сразу сделали то, что мне хотелось. Обсудите и помогите советом, мне же лично кажется, что нужно ответить так, как у меня напислось.

Вот еще один факт, не менее неприятный и раздражительный. Получил книжку «Message of 1930», изданную рериховским музеем в

---

* См.: Ариаварта. Начальный выпуск. СПб, 1996. С.192-195.

Нью-Йорке, и там на стр. 6, среди колоссального титула Н.К.Рериха, нисколько не короче бывшего императорского титула, помечено: «Protector, Seminarium Kondakovianum, Prague». Как на это реагировать? Заявлять ли протест или пропустить, благо, что никто, вероятно, этой книги не читает, да и относится это к 1930-му еще году, когда я послал свое первое, неудачное, английское письмо Н<иколаю> К<онстантиновичу>. Мне кажется, что лучше это игнорировать пока.

Теперь в связи с письмом Ю<рия> Н<иколаевича> мне пришло в голову, что следует избрать в почетные члены Института и Масарика и Бенеша. Обсудите и это, и, если, согласны со мной, произведите выборы. Относительно Бенеша у меня есть намерение написать ему письмо вот по какому поводу. Он сам когда-то говорил, да и здесь я слышал, что можно обратиться к Лиге Наций с просьбой о денежной поддержке, исходя из 2-х соображений: 1) наша работа есть работа русских беженцев, которые находятся под защитой Лиги, а 2) наша работа международного характера, что также интересует ту же Лигу. Путь туда идет через Бенеша. В своем письме я мог бы упомянуть и о наших переговорах с Рерихом и тем предупредить и поставить в желательном для нас духе то, что Ю<рий> Н<иколаевич> называет «привлечением».

Второй путь в Лигу — здесь, через Гирса, бывшего председателя Совета русских послов. Можно использовать и его, кстати, есть у меня и к нему возможность заявиться — мне знаком его секретарь, С.В.Жуковский.

Была здесь Б.О.Ельшегерова и очень настаивала, чтобы я вернулся поскорее в Прагу, хотела даже, чтобы я ехал с ней. Но сделать этого я не смог, т.к. тогда только что закончился курс моего лечения, предстоял контрольный период, да и финансы в плачевном положении — двинуться не на что. Мое возвращение в Прагу стоит в связи с моей «подпорой», хотя правильнее сказать, отношение между ними обратное; условием получения подпоры является пребывание в Праге. Сговорились так: я написал в Мин<истерство> просьбу продлить мой заграничный отпуск до конца весны. За это время нужно подготовить переезд в Прагу. Как ни ничтожна «подпора», но она сейчас единственное, что у нас есть, хотя и неверное.

Сейчас мы только вдвоем с М<арьей> Н<иколаевной>, Андрияша уехал в школу кончать. Бог к нам милостив — один из английских друзей М<арьи> Н<иколаевны> внес за него плату в школу, и мы надеемся, что весной он сдаст свой экзамен на аттестат зрелости. Сураварди давно в Индии, куда он поехал в поисках за работой. Здесь

он ничего не мог найти, а то, что получал из Индии, потерял, не выполнив договора. Сейчас он пишет, что и там кризис и безработица. Поклонитесь от меня Татьяне Николаевне, попросите Матушку не забывать в своих святых молитвах. Оба мы просим Вас принять наш сердечный привет.

Искренне Вам за все благодарный,

Калитинский

6. Н.Г.Яшвиль

14 rue Nungesser et Coli,
Paris XVI.
5 октября 1932

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Виноват я перед Вами и перед всеми друзьями своими и не ищу оправдания, ибо нет его, но только прошу о снисхождении и милости к немощам своим. Тяжко мне было, так тяжело, что только молитва к святому угоднику Пантелеймону меня вывела из тьмы, в которую был я погружен. Сейчас, слава Богу, я как-то вдруг проснулся и вновь потянулась душа моя к тем, с кем я пережил лучшие часы своей жизни и, конечно, прежде всего к Вам. Примите меня снова, как и прежде.

Здоровье мое поправилось, и доктор мой окончательно прекратил лечение. Внутренние отеки совсем исчезли, и внешняя опухоль почти прекратилась. Доктор надеется, что скоро ее совсем не будет. Самое важное, мозг мой совершенно очистился, память восстановилась. Восстановилась также моя походка, и я могу обходиться без палки. Но все это внешнее, главное — по Божьей милости отошла от меня та черная тоска, что томила меня, разорвался нестерпимый огненный круг безнадежности.

Простите, что все пишу о себе. Это ново и для меня, но не могу удержаться, очень хочется приблизиться к Вам, стать, как прежде, совсем близко к Вам, как в те часы, когда Вы сидели, погружившись в работу над иконами, а я мерил шагами Вашу комнату, излагая то, что накопилось в размышлении на темы нашей общей работы в Семинарии. Прошли, конечно, эти времена, перевернулась страница жизни, но свет от нее освещает и согревает меня и теперь. Правда, настало время, когда нужно думать о том пути, неизбежном и непредупредимом, куда каждый из нас идет, и готовиться к нему, но, ведь, самая подготовка эта есть

жизнь, ведомая в определенном направлении. А лучшего, чем то, в котором Вы направляли нашу работу, будучи нашей «совестью», я не представляю себе. Никогда я не забываю той четкости мысли и определенности заявления, которые Вы проявили в том первом нашем собрании, когда объединились мы все шестеро [21] для совместной работы. Ни наука сама по себе, хотя бы даже кондаковского размаха, ни личные симпатии наши друг к другу и к покойному Никодиму Павловичу <Кондакову> [22] не могли бы создать того чуда, каким явилось в свое время появление Семинария и его дальнейший расцвет. Все те конкретные побуждения и мотивы, которые руководили каждым из нас в тот момент, были лишь внешним и маленьким выражением той большой идеи, осуществление которой было насущным делом в то время, и которую Вы только одна уловили тогда, ясно выразили и тем наложили на всю дальнейшую работу нашу определенный отпечаток. Для меня совершенно ясно, что ни одному из нас нельзя приписать исключительную роль в создании того, что вылилось в форму «Семинария», но в то же время каждому из нас принадлежит своя, исключительно ему принадлежащая, творческая заслуга.

Однако, что же это я пустился в рассуждения, ведь мы с Вами не раз об этом говорили. Нахлынули на меня воспоминания. Не мог удержаться, простите. Сейчас перебираю все, что Вы мне прислали. Читаю «С<еминариум> К<ондаковианум>» [23] и все прочее. Чувствую себя несколько растерянным. Чтобы понять кое-что в жизни Вашей, перебираю письма всех Вас. Как я отстал от Вас!

Доктор одно время упорно настаивал, чтобы я вернулся к постоянной своей работе, но потом, видя мое болезненное состояние, перестал. Теперь же снова потребовал, чтобы я, хотя бы даже и с усилием, начал заниматься. Но мне теперь и не нужно усилия, это, я чувствую, теперь уже потребность. Писать я еще не начинал, но вот все читаю, читаю.

Очень мне помогла княгиня Четвертинская. Она попросила меня разобрать личный архив кн.Тенишевой [24], ее воспоминания, ее переписку. Это много помогло мне.

Но, довольно о себе. Молю Господа, чтобы послал мне великую милость поработать еще с Вами, быть хоть чем-нибудь Вам полезным, если мне не суждено уже никогда никого из Вас видеть.

Домашние наши дела идут неважно. Угнетает бедность. Сначала пришлось много потратить сил на ликвидацию всего того размаха, что дал нашей жизни наш легкомысленный Сураварди [25] за то время, как в его руки перешли бразды правления. Конечно, вся тяжесть этого легла на

бедную Марью Николаевну из-за моей немощи. Потом пришлось ей работать, т.е. играть, я же взял на себя дом, погрузившись в хозяйство и кухню. Зарботки наши ничтожны. От чехов я получаю 800 фр., да и то неаккуратно, Марье же Николаевне в театре платили до смешного мало, всего по 25 фр. за спектакль, играла же она мало, с большими перерывами. Иногда у нас совсем не было денег, да и теперь мы живем в кредит, и нас со всех сторон осаждают поставщики. Правду говоря, никогда мы не жили так плохо, как теперь. Сейчас, оправившись, пытаюсь искать работу. Но где? и какую?

Андрюша все время с нами. Хотелось ему поступить на фабрику для практики, но это не удалось: во Франции иностранцев не принимают, а поехать в другую страну нет денег. Теперь, слава Богу, он сможет поехать учиться в Цюрих, помог ему англичанин, знакомый М<арьи> Н<иколаевны>.

Сураварди вернулся из Индии. Но он уже не тот, что был. Он отошел от нас и весь поглощен своим романом с одной дамой, еврейкой, которая теперь приняла христианство. Это обстоятельство и вызвало его из Индии раньше, чем решился вопрос о приглашении его на кафедру изящных искусств в Калькуттском университете. К счастью, все же это приглашение состоялось и ему дан годовой отпуск в Европу. Приехал он совсем без денег, и стало нам еще труднее. Но это бы еще ничего, вот только его роман носит уж очень противный и пошлый характер.

Простите, если все написанное вышло нескладно, поклонитесь Татьяне Николаевне, попросите у Матушки молитв за меня грешного. Буду сегодня писать Николаю Петровичу <Толлю> и Дмитрию Александровичу <Раковскому>, пока же поклонитесь им и попросите их не забывать меня.

Целую почтительно Вашу руку,

А.Калитинский

7. Н.П.Толлю

14, rue Nungesser et Coli,
Paris XVI.
17 окт<ября> 1932

Дорогой друг, милый Николай Петрович,

Сделал я опыт — попробовал выйти из раковины, но, увы, неудачно. Хочу поделиться с Вами, как в былые времена. Здесь, в

Париже, есть Русское Историко-генеалогическое о<бщест>во. Его председатель, Вел<икий> Кн. Андрей Владимирович [26], попросил меня сделать у них доклад о Никодиме Павловиче. Я согласился и предложил такую схему: I — Кондаков в Праге, II — значение Кондакова в рус<ской> науке и положение этой науки после смерти К<ондако>ва, III — возникновение Семинария и его научная работа. Заседание происходило 13-го, собралось народу не очень много, человек 20. Во время доклада я вдруг почувствовал приступ скуки, почти тоски. Как-то вдруг вспомнил я наши собрания, напряженные и чреватые творческой работой. Показалось мне, что сейчас был холод и равнодушные, и бессилие. Представилось мне также, что и тема, и автор, и слушатели находятся в полном несоответствии друг к другу. Стало грустно и захотелось скорее все закончить, что я и сделал. До сих пор не могу отделаться от неприятного чувства.

Между тем, в О<бщест>ве есть люди приятные и бескорыстно увлеченные наукой, есть, по-видимому, и работники хорошие. Среди последних узнал я некоего Плаутина [27]. У него написана недурная, маленькая работа по генеалогии Гедеминовичей, а в части, касающейся кн. Друцких, и совсем новая. Я дал ему адрес Института и посоветовал написать Вам или Дм. Ал. <Расовскому>, которого это, собственно, и касается. Тема более значительная и интересная, чем баумгартовские королевы.

Вел<икий> Кн<язь> просил меня походатайствовать перед правлением И<нститу>та о присылке О<бщест>ву бесплатно комплекта «С<еминариум> К<ондаковианум>». Я сказал, что напишу Вам. Если решите, что это возможно сделать, то пошлите книги на имя барона Типольта [28], по адресу: 12, Impasse d'Antin. Сам барон, очень милый старик и хороший геральдист, состоит в правлении О<бщест>ва.

Спасибо Вам за присылку отчета И<нститу>та. Как вам трудно, милые друзья мои, как трудно! Чувствую себя совсем угнетенным в своем бессилии. Писать Вам сочувственные слова не подымается рука, не хочется мне переходить на эту форму распространенных отношений, а «добрых дел» от меня что-то не видно. Вот Вам и заколдованный круг.

Вчера Андрюша уехал в Цюрих учиться. Едва, едва удалось его снарядить, да и то в самый обрез. Вернулся сюда Сураварди, приехал он на год, сейчас ждет денег из Индии, чтобы ехать в Англию. Он сильно изменился, иногда кажется, что будто его подменили.

Мало кого я вижу здесь. Только Ник. Тим. <Беляев> [29] не забывает меня, иногда вдруг заглянет к нам на вышку в нашу тесноту.

Совсем исчез Ал. Ив., вот уж два года о нем ничего не знаю. Был раз Ник. Пет. Рутковский, бедняга совсем подавлен своей машиной. Елисеев давно в Америке. Богданов женился на какой-то испанке, и где он, не знаю. Ренгартен [30] давно не показывается.

Много послано мне испытаний, стараюсь принимать их спокойно, но иногда вдруг сдаю и впадаю в малодушие. Особенно мне тяжело быть отстраненным от той работы, на которую вместе с Вами всеми, точнее, благодаря Вам всем, судьба одно время толкнула меня, обронив случайно на мою долю частичку радости.

Поклонитесь от меня Нине Владимировне [31] и дочке Вашей, поделитесь со мной чем-нибудь из Вашей работы. Будьте здоровы, храни Вас Господь.

Целую Вас крепко,

Ваш А.Калитинский

8. Н.П.Толлю

14, rue Nungesser et Coli,
Paris XVI.
14 ноября 1932

Дорогой мой друг, Николай Петрович,

Сегодня я узнал, что четыре тома «С<еминариум> К<ондаковиа- нум>» пришли на имя барона Типольта и что Великий Князь сочиняет ответ Вам. Ваша присылка очень их всех обрадовала. Все они неплохие люди и, по-видимому, искренно стремятся сохранить в душе кое-что из нашего славного прошлого. Много в них наивности и провинциализма, но много и трогательного.

В<еликий> К<нязь> мне пишет, что ему хотелось бы послушать еще какой-нибудь мой доклад. Хочу воспользоваться Вашей идеей и приготовить рассказ о Николае Михайловиче <Беляеве> [32], но чувствую, как это трудно, ведь это значит говорить о том, во что вложено много своего. Этим не хочу сказать, что Н.М.<Беляев> чем-либо обязан мне, дело-то скорее обстоит обратно, но жизнь наша в Праге так складывалась, что я участвовал почти во всем, что касается Н.М., за то время, как он занимался наукой. За каждой строчкой его писания я вижу то, что скрыто от обычного читателя, и каждая картинка — сложный

отпечаток волнительной для меня напряженности творческой работы мысли и борьбы идей вокруг нее. Как тут быть объективным и беспристрастным в оценке? Я все же попробую это сделать. Если удастся, пришлю Вам.

Вот и Вы, как и княгиня Н.Г.<Яшвиль>, намекаете на работу о фибуле. Ну что же, попробую и это. Спасибо за обещанную помощь, без нее я, конечно, не обойдусь. В конце-то концов, кроме Вас, у меня в научной области друзей никого и нет, а критику Вашу я всегда любил и очень ценю.

Очень мне было волнительно читать статью Коки [33]. Молодец он, хорошо поработал. Статья написана очень умно, т.е. я хочу сказать, что она построена остроумно, нет в ней пошлого умничания «оставленных при Университете» и гениальных домыслов приват-доцентов, из которых, как обычное явление, выходят потом скучнейшие «библиотечные крысы» или самомнительные «божки» курсисток. Похвалил бы я и новизну в самой постановке вопроса о знаменитом дьяке, и широту охваченного материала. Нравится мне и язык, которым написана статья, разве что напал бы на милого Коку за некоторый модернизм в выражениях, но это мелочь, конечно. Хорошо, что наш юный ученый соблюл все «омажи», во-первых потому, что давно уже сказано: «почти лице старче» (это принципиально), а во-вторых (это тактически) — примут его хорошо, он будет иметь успех среди «олимпийцев», которые, конечно, не преминут заявить свои права на его душу. Вот тут-то и опасность. Было бы жаль, если бы он не устоял, соблазнился и попал бы в разряд тех, которых Никодим Павлович называл «ерниками». Но, даст Бог, этого не будет, у него есть, как будто, достаточно вкуса.

Писал я Вам, что здесь Сураварди. Приехал он с тем, чтобы год поработать в Европе, а затем снова вернуться в Индию и начать в Калькуттском университете чтение лекций об индусском искусстве. Так он рассказывает. Сейчас он все время пристает ко мне с просьбой написать Вам о том, что нельзя ли его зачислить в члены Института, что это для него очень важно. Исполняю его просьбу, но решайте вопрос сами, независимо от меня, дабы не было своего рода «непотизма» или кумовства.

Мне помнится, что в библиотеке было два экземпляра книги Ростовцева «Ск<ифия> и Бос<пор>» [34]. Если не трудно, вышлите мне один на время. Это для моих фибул, для справок.

Ну, всего хорошего, целую Вас крепко, храни Вас Господь.

Ваш А.Калитинский

9. Н.Г.Яшвиль

14, rue Nungusser et Coli,
Paris XVI.

15 ноября 1932

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Спасибо Вам и Татьяне Николаевне за память обо мне и за Вашу молитву о нас всех. Мы всегда благодарим Господа за то, что послал Он нам Вашу дружбу. Нам так трудно жить сейчас, что, когда мы прочли Ваше письмо, то М<арья> Н<иколаевна>, бедная, от благодарности за ласку Вашу и доброту расплакалась. Да хранит Вас всех Господь, да пошлет сил и здоровья. Как это хорошо, что о.Савва [35] привез с собой частицу мощей Св.Пантелеймона, не собирается ли он объехать со святыней наше рассеяние по Европе, не побывает ли и в Париже, в своей «альма матер»? Я думаю, что многим было бы большим утешением и радостью поклониться и помолиться Святому Целителю.

Я закончил чтение «С<еминариум> К<ондаковианум>», вып. V. И по внешности, и по содержанию вышел этот том прекрасно. Среди новых сотрудников меня очень заинтересовал чех [36], кто он такой, чей ученик, в каком возрасте? Неужели это Окунев [37] такого вырастил? Тогда молодец, хвала ему. И как это он его так таил, что от Н.М.<Беляева> я никогда о нем не слыхал. Зато вот Мошин немного подгулял, особенно своей рецензией [38]. Очень хороши оба наших младенца — и Кока, и Женя [39]. Вероятно, в Карловом университете у филологов давно не писалось таких диссертаций, как статья о Висковатом. Женя меня поразил в сердце, проявив бездну премудрости в своей рецензии [40]. Но за что особенно я похвалил бы обоих, так это за благородство тона и за хороший вкус, т.е. отсутствие пошлости.

Как всегда, умный Николай Петрович <Толь> очень хорошо придумал украсить этот сборник цветной таблицей [41]. И сама по себе она хороша, и вполне к месту в сборнике в память Н.М.<Беляева>.

Очень жалко, что нет в сборнике статьи Д.А.<Расовского>. Давно он не печатался. Пишу это не в упрек ему, ибо знаю, что у него ни днем, ни ночью не бывает свободной минутки для себя, но из сочувствия к нему.

Какая у Вас интересная мысль явилась — устроить выставку картин. Успех иконной, я думаю, говорит в пользу этого начинания. Бог Вам в помощь! Как напряженно Вы все работаете, но зато и все, что от

Вас исходит, так ценно и значительно для будущего «ренессанса» (простите за это пошлое выражение, но не могу сейчас подобрать иного, мысль-то мою, Вы, наверное, понимаете) русского. Старое ведь не вернется, но для того, чтобы новое выросло, нужно сохранить непрерывной связью с лучшим из этого старого. Это, конечно, гораздо труднее, чем плавать в разных волнах, как теперь принято говорить, «пореволюционных утверждений». Но Господь всегда милостив, и я совершенно уверен, что труды Ваши не погибнут.

Андрюша подробно описывает свою студенческую жизнь. Работы у него много, и уже начались разные зачеты. Живет он на двести фр<анков>, т.е. в обреш. Ест в студ<енческом> доме, живет за городом, сам себе топит печь, вообще молодец и не унывает.

Поклонитесь от нас всех Татьяне Николаевне и Матушке. Попросите Матушку не забывать нас в своих молитвах, мы же молим Господа, чтобы послал ей здоровья и сил. Поклонитесь всем друзьям.

Целую почтительнейше Вашу ручку,

А.Калитинский

10. Д.А.Расовскому

14, rue Nungesser et Coli,
Paris XVI.
15 ноября 1932

Дорогой и милый Дмитрий Александрович,

Очень хочется мне поделиться с Вами впечатлением от доклада Николая Тимофеевича <Беляева>. Как всегда, я очень чувствителен к форме, а потому и начну с нее. Н<иколай> Т<имофеевич> совсем незаурядный оратор. Речь его проста и плавна, без аффектаций и без кружев ложного красноречия академических краснобаев, но у него большой талант изобразительности. Говорит он лучше, чем пишет. Выпуклые образы, ясность мысли, остроумные силлогизмы произвели такое впечатление на аудиторию, что, когда он кончил, раздался гром аплодисментов. Тема — все тот же Рюрик, но все по-иному построено. Особенно удалась характеристика Европы IX века. Совершенно замечательно было сделано чтение летописи, сопровождаемое комментариями, очень любопытны генеалогические экскурсы.

Конечно, выступали и противники, но очень слабо и мало убедительно, вроде Мошина в «СК» (V). Один только барон Типольт указал некоторую неувязку в вопросе о возрасте Рюрика, которая так и осталась неразъясненной. Говорю «один только», т.к. это был единственный голос человека, исходившего, как и у нас когда-то в Семинарии, из желания установления фактической стороны дела, а не из привычной теории или стремления показать свою образованность и, во что бы то ни было, сказать свое мнение. Было интересно, и я все время вспоминал Вас и был мыслью с Вами.

Кстати, если будет у Вас время, напишите мне, что знаете Вы о кумыках и не имеют ли они отношения к куманам. Но специально на это не тратьте времени, а так, может быть, случайно знаете.

Целую Вас крепко, храни Вас Господь.

Ваш А.Калитинский

11. Н.П.Толлю

28 ноября 1932

Дорогой Николай Петрович,

Спасибо за письмо и книгу. Французы совсем одурели и взяли пошлину, как за новое издание.

Вы пишете, что накопилось много материала о фибулах. Очень был бы Вам благодарен, если бы Вы написали мне, где и что именно напечатано. Я бы попытался поискать здесь эти издания. И еще меня интересует одна вещь. Не было ли какого-нибудь отклика на мои прежние статейки? Например, в Евразии у Тальгрена [42]? Полезно все-таки знать свои ошибки.

Насчет Сураварди я думаю, что вообще его соприкосновение с наукой является некоторым недоразумением, причудливой игрой природы или, может быть, просто комическим падением идеи. Говорю так, зная его хорошо и зная хорошо весь процесс происхождения его профессорства. Но тем не менее, если ему, как он уверяет, будет в помощь избрание его в члены Института, то исходя из того, что он человек хороший и как-то давно уже путается среди нас, я думаю, не будет большого урона, если оказать ему эту услугу. Но я думаю также, что не следует давать ему

права решающего голоса, т.е. не следует избирать его в учредители или действительные члены, лучше же всего возвести его в ранг ученых членов. На восточное, азиатское воображение это действует, как все их блестящие и погрешности, достаточно разительно.

Поцелуйте ручку у Нины Владимировны, желаю ей от всего сердца успеха на поприще Асклепиевом, всего хорошего.

Ваш А.Калитинский

12. Н.П.Толлю

17 декабря 1932

Дорогой Николай Петрович,

Поздравляю Вас и всю Вашу кучку с праздником, с днем Вашего Ангела. Пойду в этот день в церковь, люблю очень образ Николая Угодника, близок он мне своей простотой и правдой в борьбе с «профессором» Арием.

Пересылаю Вам письмо В<еликого> К<нязя> Андрея Влад<имировича>. Ему место, конечно, в архиве И<нститу>та.

Послезавтра Н.П.Рутковский делает доклад среди своих коллег по Петербургскому университету об «Убрусе» [43], просил и меня прийти. Пойду. Он говорил, что этот доклад — схема той статьи, которую он пишет для «СК». О впечатлении напишу.

Сураварди, потерпев поражение на амурном фронте, принялся читать книги. Видно, тяжело ему, но пока очень старается и допекает меня вопросами. Очень сердится, если я иронизирую насчет «эстетики» и «чревоутоления», по Вашему выражению. Он очень раздражается от «фактопоклонничества» и прочих скучных вещей.

23-го ждем Андрюшу на вакации, уже студента. Пишет он, что масса работы, «о безработице не может быть и речи».

Целую Вас крепко, храни Вас Господь, всему семейству Вашему привет и поклон.

Ваш А.Калитинский

13. Н.Г.Яшвиль

21 сентября 1933

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Спасибо за Вашу память обо мне, за Ваше внимание и за неизменно сердечное и снисходительное отношение ко мне. С тех пор, как я писал Вам в последний раз, многое совершилось со мной, но должен я был пережить его в себе самом, проделать внутреннюю работу, ведь мало уже остается жить и нужно приготовиться к последнему путешествию. Когда наступит этот момент, конечно, одному Богу известно, но готовым нужно быть всегда, эгоизм же и самомнение не так-то легко преодолеваются, а до истинного смирения так далеко. Но молюсь я Угоднику Пантелеймону и верю, что он выпросит у Бога милости мне.

Здоровьем я теперь окреп, ноги только плохо носят меня, да сердце стало очень лениво, ходить трудно.

Два события определили ход моей жизни за истекшее время: пребывание здесь мощей Св.Пантелеймона и построение церкви Пр.Серафима [44]. И вот теперь мир в моей душе. Случились они как раз в то время, когда мы переживали очень тяжкое время в материальном отношении и когда дружеская помощь приняла тяжкий в моральном смысле характер. Только теперь мы оценили всю мудрость хода событий за это время. В это время была тяжело больна Марья Николаевна, у нее была астма на нервной почве.

Сейчас мы, слава Богу, немного оправились. Радует нас Андрюша. Он студент второго курса и сейчас работает здесь на заводе, как практикант. Работает не за страх, а за совесть, начальство им довольно. Работа эта бесплатная, но и ее получить было очень трудно, как иностранцу, да еще и русскому беженцу.

Друзей здесь у меня очень мало, и вижу их очень редко, ведь приходится все делать самим, а когда М.Н. больна или играет, то весь дом веду я сам, прислугу, даже приходящую, нанять не можем. Чаще других я вижу кн. Четвертинскую, но и она была очень тяжело и долго больна, ее доктор даже опасался за ее жизнь, но теперь она, видимо, оправилась. Она мне оказала большую услугу, поручив мне разбор архива кн. Тенишевой, и это случилось как раз в тот момент, когда мой доктор настаивал на том, чтобы я вернулся к привычной работе (мозговой). Иногда я видел Н.Т.Беляева, который заходил ко мне. Я его совсем мало знал, но он почему-то очень сердечно ко мне относится, чему

я рад, т.к. и он мне очень симпатичен. Раза два был у меня Рутковский, милый человек, которого заедает автомобиль. Прибыловский совсем исчез, ни разу его не видал. Большое внимание и ласку проявляет ко мне барон Типольт, обломок той благородной породы, что творила нашу былую, широкую культурную жизнь, о которой здесь в Европе и понятия не имеют.

Но, конечно, того, что я получал от Вас и всех «кондаковцев», здесь нет. Но я не ропщу и смиряюсь, ибо вижу в этом волю Божью, и всегда благодарю Бога за то, что он послал мне в жизни счастье прожить с Вами несколько лет, быть чем-нибудь полезным в Вашей работе. Но от одной горечи я не могу отделаться, что сейчас, в тяжкий момент, не могу ничем помочь Вам.

Здесьнее Историко-генеалогическое общество, через барона Типольта, все пытается вовлечь меня в свою работу, но что могу я, в инвалидном своем состоянии, сделать. На днях барон рассказал мне, что они хотят создать русский исторический журнал на французском языке. Цели у них такие: I — дать возможность русским историкам вступить в общение с европейским ученым миром, а потому в журнале должны одновременно участвовать и русские, и иностранцы, занимающиеся русской историей. Под русской историей они понимают историю русской культуры вообще, а не только политическую историю; II — бороться с «клюквой», которая произрастает среди европейских ученых так же, как и среди обывателей; III — бороться с теми тенденциями, которые идут из советской страны. Сообразно с этими целями журнал должен состоять из трех отделов: I — литературная часть, т.е. самостоятельные статьи, исследования по разным вопросам истории русской культуры, будь то церковь, право, государство, искусство, быт и т.д.; II — информационная часть, т.е. сведения и отчеты о работе как русских учреждений, институтов, обществ, так и отдельных русских ученых, находящихся за границей и поглощенных иностранными учреждениями; а также сведения о находящихся и хранящихся за границей памятниках русской культуры, документах, книгах, архивах, коллекциях и т.д. III — библиография, т.е. критический обзор печатных трудов, выходящих и на русском, и на иностранных языках, как за границей, так и в советской.

Барон пришел советоваться со мной относительно этой затеи. Я ему сказал, что идея хороша, но главное — найдутся ли люди, которые возьмись бы за ее осуществление, в этом все. Я ему подробно рассказал о том, как Толь и Беяев создавали «Семинарий Кондакова», о

том, что сделал Ваш «подвальчик» — без самопожертвования, без отдания всего себя, без чистого подхода (т.е. с полным устранением честолюбивых целей) такого дела не поднять. Второе — нужны деньги. Милый барон говорит, что идея идет от какого-то издательства, меня он просит принять участие в редакционном комитете при обсуждении этого дела. Но какой же я историк, но я все же согласился прийти к ним на заседание. Вот, дорогая Наталия Григорьевна, расскажите нашей молодежи об этом проекте, если журнал этот действительно осуществится, то, быть может, они захотят в нем писать, тем более, что, кажется, авторам будут платить, хотя и не с первого номера, который должен быть пробным, должен показать издателю, пойдет ли это дело. Мне лично кажется, что журнал может быть и интересным, и полезным, так <как> через него возможна реклама для изданий. Если Николай Петрович <Толь> и Дмитрий Александрович <Расовский> мне напишут свои на сей счет соображения, то у меня будет материал для заседания.

Марья Николаевна очень благодарит Вас за присылку чая, она уже стала им лечиться, а то она, бедная, никак не может заснуть. Поклонитесь от меня всем, я, ведь, очень всех Вас люблю. Матушку прошу помолиться за меня грешного.

Почтительнейше целую Вашу ручку.

Искренно Вам преданный и всегда и за все благодарный,

А.Калитинский

14. Н.П.Толлю

23 окт<ября> 1933

Дорогой мой друг, Николай Петрович,

Спасибо Вам за память обо мне, спасибо за то, что подумали обо мне, и в дружбе Вашей вижу всегдашнюю ко мне милость Божью. Молюсь, чтобы и мне еще раз разрешено было принять участие в той работе Вашей, которую Вы так мужественно и стойко ведете. Я думаю, что не будет с моей стороны бахвальством сказать, что я, более чем кто-либо (за исключением, конечно, тех, кто с Вами сейчас), знаю и понимаю, вижу и чувствую глубину, значение и трудность осуществления когда-то совместно у нас зародившейся идеи. И Господь не оставляет Вас милостью — Вы добиваетесь своего. Вот и сейчас Вы довели до конца

когда-то затеянное. Я получил последний том «Рус<ской> иконы» [45]. Для меня лично это было большое событие. Я так разволновался, что даже заплакал (извините за стариковскую слезливость). Положил я эту книжку к себе на стол и вот все ее рассматриваю. Ведь, для меня это не просто общение с духом великого ученого. Каждая строчка, особенно примечания и указатели, внешность и иллюстрации — все вызывает во мне образ того, кого я люблю, с кем вместе потрачено много души и ума. С каждой страницы глядят на меня знакомые и более чем милые лица — Вы, княгиня <Н.Г.Яшвиль>, Татьяна Николаевна <Родзянко> и милый и трогательный Дмитрий Александрович <Расовский>. Вероятно, и молодежь принимала участие.

На днях звонил ко мне Николай Тимофеевич <Беляев> и рассказал, что получил последний том «СК». Очень он его хвалит за содержание. Как человек скромный, он взволнован тем, что его статью поместили рядом с Ростовцевым. Но как всегда и раньше, он придерживается крайней точки зрения в вопросе языка и ворчит, что сборник вышел иностранным, что даже рус<ские> авторы пишут по-иностранному. Вот, значит, и еще одна победа Ваша — две такие книги в год, это, конечно, чудо. Слава Вам — заслуга Ваша перед рус<ской> наукой, как написал бы Вейдле [46], велика.

Целую Вас крепко, храни Вас Господь.

Ваш А.Калитинский

15. Н.Г.Яшвиль

28 окт<ября> 1933

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Ваше письмо пришло к нам, как Божий дар. Было оно для нас обоим большим утешением. Мы так одиноки, так трудно нам, что знать и чувствовать ласку и сердечное отношение, которым Вы нас дарите, не на словах, а на деле, есть для нас проявление милости Божией. Очень, очень мы Вас благодарим, и я молю Господа, чтобы чем-нибудь и как-нибудь смог бы я еще послужить Вам, чтобы дано было мне еще раз приобщиться, хоть немного, к делу Вашей жизни. Невразумительно, может быть, я пишу, но это от волнения и избытка моего чувства благодарности к Вам. Не осудите за это и примите со всегдашним Вашим снисхождением и

великодушием. Спасибо Вам, дорогая Наталия Григорьевна, да сохранит Вас Господь и всех Ваших близких.

Мы сделали по Вашим указаниям. М<арья> Н<иколаевна> написала письмо Президенту, и я отослал его г-ну <Шамалу> с просьбой передать по назначению.

Сейчас мы остались вдвоем, т.к. Андрюша уехал учиться. Весной у него будет экзамен, и очень трудный, но он очень старателен и трудолюбив. Это видно было по тому, как он работал на фабрике. Работа была не легкая, в пыли, в жаре, при вредных испарениях. Он даже похудел и позеленел, но зато повез в свой институт прекрасный сертификат. Ехал он веселый и радостный, бодрый и горящий.

М.Н. сейчас играет каждый день, а по воскресеньям два раза. Очень устала, слаба, да еще и грипп привязался. Это — актрисе-то. Пьеса имеет успех, так что будут играть ее, вероятно, до весны [47]. Это и есть единственный источник нашей жизни.

Сураварди уехал в Индию. Провел он здесь время совершенно бессмысленно, а общение его со своей страной, погружение в родную стихию оказалось для него вредным и расслабляющим — христианская культура с него быстро сошла, осталась внешняя цивилизация и родовые азиатские инстинкты. Мне его очень жалко, ибо я его очень люблю.

Мне было волнительно получить последний том «Рус<ской> ик<оны>». Но слава Богу, благодаря энергии Николая Петровича <Толля>, это было закончено и очень хорошо. Сейчас его, конечно, не оценят — современники всегда несправедливы, но пройдут годы и правда, конечно, восторжествует. Хотя я и знаю, как из гвоздя мы когда-то вместе варили борщ, но все же я с волнением и восторгом, с восхищением и преклонением смотрю на Вашу работу.

Просьба у меня к Вам. Если только возможно, пришлите три иконки: Ланского Спаса в красках, что у А.Грабара [48]; Иерусалимскую икону Б<ожьей> М<атери> и другую, «рублевскую», — обе они воспроизведены в IV томе «Р<усской> ик<оны>». Простите за это беспокойство.

Еще раз сердечно благодарю Вас за все доброе, что получил от Вас. Очень прошу Матушку помянуть меня в своих молитвах. Татьяна Николаевна наш сердечный привет и поклон.

Почтительнейше целую Вашу ручку,

А.Калитинский

16. Д.А.Расовскому

27 ноября 1933

Дорогой Дмитрий Александрович,

Не решался я до сих пор беспокоить никого из вас. Очень я понимаю, что вам всем было не до того. Но, может быть, теперь у Вас найдется время написать мне. Если даже трудно, то все-таки оторвите как-нибудь, хотя бы ночью, минутку. Напишите мне о княгине все подробно. Вы же знаете, сколь дорог мне этот человек. Простите, что настаиваю, но поверьте, что это мне очень важно. Самой княгине я ничего не пишу, ибо разве можно в таком горе чем-либо утешить. Когда душа обнажена и стоит перед Богом, нельзя ее касаться, особенно словами.

Когда я получил извещение о смерти Татьяны Николаевны, я первому позвонил митрополиту Евлогию [49], и первую панихиду отслужил он вместе с о.Спасским [50]. Потом я звонил Н.Т.Беляеву, но он уже знал об этом по извещению из Праги. В тот же день был я с печальной вестью у кн. Четвертинской. Тогда же мы втроем сговорились, что нужно устроить панихиду от имени Института. Служили ее в церкви Пр.Серафима. Вместе с настоятелем служил М.Яшвиль [51].

Посылаю Вам отчеты, газетные, присоедините их к тем, что мы когда-то наклеивали вместе — это для истории.

Я жду Вашего письма, не откладывайте. Поверьте, что мне тяжело. Я совсем не способен на словоизлияния.

Целую Вас крепко,

А.Калитинский

17. Д.А.Расовскому

27 января 1935

Милый друг мой, дорогой Дмитрий Александрович,

Был у меня нынче Николай Тимофеевич <Беляев> и рассказал мне содержание Вашего к нему письма. Очень я тронут, что не забыли Вы меня, благодарю за привет и поклон, было мне радостно их получить. Но вот, из дальнейшего рассказа Николая Тимофеевича я узнал новость,

которая меня буквально огорошила: он сказал, что в ближайшем «СК» будет напечатана статья Бруцкуса [52]. Сначала я просто не поверил этому, но Николай Тимофеевич заверил меня, что он не ошибается. Милый мой, как это могло случиться? Откровенно Вам скажу, что из всех ударов, которые усиленно на меня сыплются, это самый чувствительный, ибо он не в меня лично попал, а в самую сердцевину того общего нашего дела, которое мы столько лет совместно строили, в «кондаковское» дело. Лично я Бруцкуса не знаю, даже никогда не видел, наперед согласен признать за ним всякие прекрасные качества, но он весьма яркий представитель определенной тенденции в истолковании Русской Истории и того метода работы, которые прямо противоположны «кондаковским», я бы даже сказал — враждебны. Это — та категория историков, которую Н.П.<Кондаков> называл, со свойственной ему резкостью, «ерниками». Вы, зная меня, конечно не истолкуете моих слов в узком нетерпимом, сектантском смысле. Бруцкус, как и все представители той работы мысли, которую он производит над русским историческим материалом, имеет право на существование, ибо дух человеческий свободен, и никто им этого запретить не может. Однако признание за кем-либо свободы творчества еще не означает признания его правоты, полезности его работы и особенно необходимости его поддержки, иначе — наступает беспринципность, в лучшем случае туман, в худшем — вязкое болото. Как можно прозрачный источник кондаковского метода мутить передержками Бруцкуса, ясный голос Кондакова «чревоуещаниями» Бруцкуса? Ведь одно совершенно исключает другое. Участие Бруцкуса в «СК» означает падение кондаковской идеи, это подрыв под самые устои ее. Статья Бруцкуса — заноза в теле К<ондаковского> И<нститу>та. Я легко предвижу, что она может вызвать нарыв. Милый мой дружок, дорогой Дмитрий Александрович, вызовите в памяти своей образ Н.П.<Кондакова>, вспомните Н.М.<Беляева> и прислушайтесь к тому, что говорю Вам сейчас — и не печатайте статей Бруцкуса. Вас, конечно, смутит этот вопрос с точки зрения технической и с точки зрения бытовой. Напомню Вам, что не были в свое время напечатаны у нас, хотя и были уже набраны, статьи Клетновой и В.П.Рябушинского, а также не была напечатана статья Башмакова [53].

Дорогой Дмитрий Александрович, писано все это от чистого сердца, от любви к нашему общему делу, от дружбы к Вам.

Храни Вас Господь, целую Вас крепко.

Ваш А.Калитинский

18. Д.А.Расовскому

18 марта 1935

Дорогой Дмитрий Александрович,

Спасибо — получил Ваше письмо со с протоколом общего собрания. Буду благодарен, если пришлете и отчет.

Очень рад избранию Георгия Владимировича <Вернадского> в председателя, а Вас всех поздравляю с началом нового четырехлетия и от всего сердца желаю успеха Институту в его работе.

Вы спрашиваете о Бруцкусе. Что же Вам сказать? Свою принципиальную точку зрения на присутствие его имени среди сотрудников Института я уже Вам высказал. Повторять ее не стоит, а прибавить ничего не имею. Что же касается его статьи, то она напомнила мне давно прошедшее время, годы моей юности, когда царило увлечение финнологией. Вот и сейчас вспоминаю книгу А.Орлова, вышедшую еще в 1907 году, о «Происхождении названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и т.д.» — некоторую «квинтэссенцию» финской теории. Что же от нее осталось? Разве только обильный материал для ядовитых замечаний брюзгливых профессоров и пылких приват-доцентов на заседаниях ученых обществ и при защитах диссертаций, для науки же — одно обременение. Впрочем, мой друг, мы, как мне кажется, попали с Вами в положение тех византийских спорщиков, которые говорили о разных вещах и потому, конечно, не смогли ни до чего договориться.

Что это Вы пишете насчет библиотеки? Дело ведь Ваше, хозяйское, что хотите, то и делаете, никто Вам не указ. Что же касается меня, то при чем я тут? Кстати, у меня есть одна книга из библиотеки: Ростовцева «Ск. и Бос.». Если это возможно, оставьте ее пока у меня. Если это невозможно сделать, напишите, и я пришлю Вам.

Поклонитесь от меня, пожалуйста, всем, передайте мою благодарность за все доброе, что я получил от Вас всех, не поминайте лихом. Когда будете писать Георгию Владимировичу, припишите и от меня приветствие и поздравление.

Прощайте, будьте здоровы, храни Вас Господь.

Ваш А.Калитинский

19. Н.П.Толлю

18 марта 1935

Дорогой Николай Петрович,

Из письма Дмитрия Александровича <Расовского> я узнал, что вернулись в Прагу. Надеюсь, что поездка Ваша в Сирию [54] была интересна. Я всегда радовался, когда получал известие, что Вы на раскопках, и тому, что мечта Ваша исполнилась, и тому, что Вы вышли на большую дорогу и непосредственно соприкоснулись с подлинной археологической работой.

Из того же письма Дмитрия Александровича узнал я и о составе нового Правления Института. Но почему же председателем избран Г.В.<Вернадский>? Ведь он же в Америке? или вновь переезжает в Прагу? Казалось, самое естественное — занимать это место Вам или, по крайней мере, Г.А.Острогорскому [55], который, кажется, в Белграде и часто наезжает в Прагу.

Сегодня я все пишу письма, ответил Д.А.<Расовскому> и написал княгине Наталии Григорьевне <Яшвиль>. В ее лице я попрощался со всеми Вами. Вам же хочу сказать еще одно, мой, т<ак> с<казать>, прощальный, последний совет, чисто технического характера. Т.к. дело это уже прошлое, а в дружбе моей, надеюсь, Вы не сомневаетесь, то уверен, что примете его так, как в былые времена принимали мои советы о галстукке или визитке, когда мы шли куда-нибудь на торжественное заседание, в гости, скажем, к королю в Белграде.

Когда, скажем, в будущем Институт захочет по каким-либо причинам сменить своего главу, то применяйте в таком случае обычный прием: сначала запросите его — не желает ли он снова выставить свою кандидатуру. Такой запрос ему подскажет, что нужно благодарить и отказаться. Получив ответ, вносите на общее собрание этот мотивированный отказ и тогда выбирайте нового кандидата. Это имеет смысл, конечно, главным образом, для будущих поколений. Если кто поинтересуется историей Института и заглянет в архивы, то у него не создается впечатления, что такого-то выбросили за ненадобностью, как износившуюся тряпку. Немотивированный отказ со стороны собрания кого-либо переизбрать из своих сочленов равносильно его шельмованию. Зачем же это делать? И второе: необходимо тотчас же извещать о решении собрания, а то в моем случае прошел целый месяц, мало ли что за это время может предпринять «изгой». Все это, как видите, мелочь, но в то же время может повлечь за собою недоразумения.

Простите, дорогой Николай Петрович, что докучаю Вам, но это уж в последний раз. Будьте здоровы, поклонитесь Нине Владимировне и дочке.

Искренно с Вами,

А.Калитинский

20. Н.Г.Яшвилъ

18 марта 1935

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Сегодня получил я письмецо от Дмитрия Александровича <Расовского> с извещением об избрании нового главы Института. Это хорошо, что выбор пал на Георгия Владимировича <Вернадского>, хотя справедливее всего было бы избрать Николая Петровича <Толля>, как фактически ведущего всю работу. Но, конечно, Вам там виднее, что нужно делать. Итак, поздравляю Вас с началом нового четырехлетия, от всей души, от всего сердца желаю Институту успеха и процветания.

Вот, значит, оборвалась и последняя ниточка, связывавшая (хоть только и по форме) меня с Институтом. Видно, Богу не угодно было, чтобы я раньше оправился. Теперь же, уходя в небытие, я хочу сказать Вам еще несколько слов. Вы меня простите, если они выйдут сухими и корявыми — не мастер я писать, но идут они от самого сердца, и пишу я их более для себя, чем для Вас, подвожу итог и укладываю в сознании своем и памяти то хорошее, что дано мне было, чтобы его всегда носить в себе с благодарностью. Никогда не забуду, сколь много получил я, во время моей работы в Семинарии, от Вас лично, дорогая и милая Наталия Григорьевна, от покойной Татьяны Николаевны. Вы обе были для меня и источником, и надежной опорой во всех начинаниях, касавшихся Семинария. Без Вас я ничего бы не смог начать, без Вас я ни в чем бы не мог быть настойчивым и упорным. Ваша чистая мысль, Ваше высокое сердце — вот та сокровищница, из которой я черпал все лучшее, что выявилось через Семинарий. Благодарю и всегда буду благодарить Бога, что дал мне возможность встретиться с Вами и с Татьяной Николаевной.

Вот проходит передо мной вся работа в Семинарии, и сейчас, на расстоянии, мне ясно видно, как никогда, что не мог бы я ровно ничего осуществить без тех двух Николаев, которые и есть на самом деле

создатели всего дела. Мне Вам, дорогая Наталия Григорьевна, доказывать это, конечно, не приходится, Вы же сама всему этому непосредственная свидетельница. У меня к ним обоим такое чувство, как если бы они были моими родными братьями или сынами, столь самоотверженно они несли те тяготы, что выпадали на их долю. Но обязан я им другим еще — они были моими учителями, научился я от них многому и по содержанию, и по методу, ибо они не были скаредами и богато рассыпали свои знания, охотно делились ими. Впрочем, недаром же они оба ученики Никодима Павловича <Кондакова>. За все это я им бесконечно благодарен.

Особое место у меня в сердце занимает Дмитрий Александрович. Он взял на себя самую неблагоприятную, самую тяжелую работу в нашем деле. И я совершенно не вижу, как мы могли бы не только что-нибудь сделать, но даже просто существовать, если бы не его самоотверженность. Ведь только представить себе, столько раз он жертвовал своей научной работой для того, чтобы отдать и силы, и время на выполнение технической, конторской и просто грязной физической работы! Большое у него сердце, жертвенное! А лично мне он сделал столько добра, столько оказал внимания и ласки, столько оказал услуг!

Все это в прошлом, далеком, в наши героические времена в эпоху Семинария. Благодарю Вас всех за это, а Вы простите меня за мои ошибки и не поминайте за них лихом.

Стали Вы — Кондаковским Институтом; исполнилось то, о чем говорилось в самом первом нашем собрании, у меня на квартире, вот уж почти десять лет тому назад. Но мне не пришлось уже принять участия в Институте. Так, видно, угодно Богу. Однако, Вы не ушли из моей души. В той тяжкой борьбе с тьмой, которую мне пришлось выдержать за последние годы, и из которой удалось мне, наконец, выбраться, Вы все сыграли большую роль. Сколько раз я падал духом и приходил в отчаяние. Я культивировал в себе мысль и желание вокруг Вашего дела, и это меня спасло; вокруг этого стержня собрал я себя; вновь, как когда-то в Праге, раздвинулась стеклянная стена, отделявшая меня от мира и жизни. Это ничего, что я теперь отрезанный от Вас ломоть, мне и со стороны будет радостно смотреть на Вас.

Спасибо, дорогая Наталия Григорьевна, за все. Передайте мою благодарность всем, и привет, и самые сердечные добрые пожелания. Господь да сохранит Вас всех.

Почтительнейше целую Вашу ручку,

А.Калитинский

21. Д.А.Расовскому

28 января 1936

Дорогой Дмитрий Александрович,

Я к Вам, конечно, с просьбой, но Вы уж меня простите за доuku и, если можете, исполните ее.

Надумал я записать историю «Konnikoviana» в виде моих собственных воспоминаний. Быть может, когда-нибудь, кому-нибудь это и пригодится, хотя главное — это мне самому хочется погрузиться в прошлое. Сейчас я занят эпизодом «Русской иконы», и вот у меня кое-каких данных не хватает. Не могли бы Вы мне помочь их разыскать? Быть может, знает то, что мне нужно, Николай Петрович или, если он не помнит, не могли бы Вы узнать в «Union»? Я потерял записки с указанием того, кто и когда заказал печатание рус<ских> икон «Union», почему печатание не было закончено и т.д., словом, всю историю икон до того момента, как они попали к нам.

Пишите мне по новому адресу (вернее, по старому): 14, rue Nungesser et Coli, Paris, 16e. Если не трудно и не скучно, напишите про жизнь Института и про всех его членов, да побольше о самом себе.

Я вот был болен, домашние думали, что не выживу, но пролежав с неделю, встал, хотя никуда еще выходить не могу. Была у меня «грудная жаба», как говорят у нас в Москве, и сердце до сих пор не желает еще работать по-настоящему. Про себя я думаю, что и не заработает уже никогда.

Поклонитесь от меня, пожалуйста, всем, Вас же крепко обнимаю и желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас любящий,

А.Калитинский

22. Д.А.Расовскому

14, rue Nungesser et Coli,
Paris, 16.
30 января 1936

Дорогой Дмитрий Александрович,

Роясь в своем жизненном мусоре, в виде разного рода записок и заметок, нашел незаконченную статью: «По поводу одной фибулы из

Керчи». В ней много уже написано, дана система форм и несколько диаграмм, чтобы закончить, остается мало. Мне пришло в голову — не захотите ли напечатать ее в «СК»? Что Вы на этот счет думаете? Напишите также, когда предполагается ближайший том «СК» и кто в нем участвует? Будьте здоровы, храни Вас Господь.

Искренно Вас любящий,

А.Калитинский

23. Н.Г.Яшвиль

14, rue Nungesser et Coli,
Paris XVI.
27 февраля 1936

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Мы переменили квартиру, и вот, разбирая свои вещи, нашел я несколько папок, в которые не заглядывал лет пять. Все это разные записки и письма, имеющие отношение к «Sem. Kond.» Чего-либо особенно важного и интересного там нет, но имеется все же кое-что, что могло бы быть использовано для истории нашего Семинария и характеристики кое-кого из нас — основателей его. Весь этот материал можно бы расчленить на 3 такие группы: 1) письма разных лиц и из России, и здешних европейцев ко мне. Хотя они и личный носят характер, но по содержанию касаются «Sem. Kond.»; эту группу я передам, после моей смерти, в Конд<аковский> институт; 2) начала и разные отрывки задуманных и неоконченных моих статей; здесь много хламу, который надо выбросить, но есть тут и почти законченные вещи. Если над ними поработать, то может выйти несколько очерков. Наиболее из них законченный касается одной из фибульных форм, бывших долго в ходу в России. Если бы Институту были нужны такие статьи, то я занялся бы этим. Я об этом уже писал Дмитрию Александровичу <Расовскому>. Наконец, 3-я группа — мои записки и заметки по разным вопросам из жизни Семинария, главным образом, материал для обсуждения на наших заседаниях и вопросы для разговора с Ник<олаем> Мих<айловичем> Беляевым, Ник<олаем> Петровичем Толлем и с Вами. Это все, конечно, в такой форме, которая понятна

только мне, ибо это все заметки предварительные, для себя самого. Для примера приведу одну: «Спр<осить> у Ник<олая> М<ихайловича> о том студ<енте>, котор<ого> он рекоменд<овал> для Сем<инария>. Его имя, о<тчество> и ф<амилия>». Это написано чернилами, а через этот текст, карандашом: «Дмитрий Александрович Расовский». Это моя первая встреча с Дм<итрием> Ал<ександровичем>. Мне пришло в голову, что по этим заметкам можно бы вспомнить историю Семинария, как она развертывалась у меня на глазах. Но это, конечно, могу сделать только я сам. Попробовал я восстановить историю печатания «Рус<ской> иконы», но тут у меня оказался пропуск. Об этом я тоже писал Дм<итрию> Александровичу и просил его помочь мне восстановить кое-что. Итак, последние две группы заметок могли бы пригодиться для «Sem. Kond.», но, конечно, в том только случае, если у Конд<аковского> института есть к этому интерес. В противном случае — это только грудa мусора, годная лишь на растопку камина. Мне бы очень хотелось знать Ваше мнение. Я совершенно уверен, что Вы напишете мне так же просто, как и в прежнее время, когда позволяли мне думать при Вас вслух.

Сейчас я уже выхожу понемногу, но ноги у меня совсем чужие, сердце быстро устает и задыхаюсь. Почти никого не вижу, только изредка заходит ко мне Н.Т.Беляев и бар. Н.А.Типольт. Давно, несколько месяцев, не видел кн. Четвертинскую. Она сама не всегда здорова, да и в горе она сейчас — умерла Лиза, старушка горничная, почти таких же лет, как сама княгиня, прожившая с ней более полувека.

Марья Николаевна тоже часто хворает, всё сердце у нее болит. Бывает так, что неделями только на камфоре и живет.

Невесело у нас. Очень был бы Вам благодарен, если бы Вы написали мне поподробнее о жизни в Институте. В последнее время я все чаще и чаще ухожу мыслью к Вам и очень тоскую по утерянному. Все, что Вы мне напишете, будет мне утешением в том жутком одиночестве, которое я теперь так часто и остро чувствую.

Поклонитесь от меня, пожалуйста, всем кондаковцам.

Почтительнейше целую Вашу ручку,

А.Калитинский

24. Н.Г.Яшвиль

<26.X.1936>*

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Я очень перед Вами виноват, но с того времени, как Вы написали мне, у нас из дому не выходит болезнь. У Марьи Николаевны были такие сердечные припадки в течение целой недели, что пришлось ей лежать долго, и только сейчас она встала, но так слаба, что не может сделать никакого движения, чтобы сердце не дало себя знать.

Мне не хотелось Вам ответить просто открыткой, а захотелось, как Вы написали, «поплакать в жилет». Это мне трудно, дорогая Наталия Григорьевна, очень трудно. По натуре своей я, как собака; когда ей плохо или больно, она лезет под стол или диван в какой-нибудь дальний и темный угол, где бы ее никто не видел. Так и я. Это, конечно, не помогает и даже, наоборот, усугубляет мрак, но побороть это нет сил.

Вам, вероятно, не раз казалось, что я неблагодарная свинья. Но поверьте, дорогая Наталия Григорьевна, что это только кажется. Если Вы также не забыли меня еще, если перед Вами не закрылись те двери доверия, которые Вы когда-то широко раскрыли мне, то поверьте этим моим словам. Я всегда помню все то добро, которое Вы сделали для меня. Вот и теперь, когда Вы написали Крэнну [56], я не нахожу слов, чтобы благодарить Вас и за память, и за ласку, и за внимание. Если бы только знали, как хочется мне не на словах только, а на деле, доказать Вам свою благодарность. Я все надеюсь, что Бог смилостивится и даст мне эту возможность.

Моя грудная жаба дает себя чувствовать довольно часто, т.к. заняться ею нет никакой возможности — угрожающего ничего нет, и слава Богу.

Андрюша сейчас сдает государственные экзамены. Теперь идут устные, а потом письменные, и закончатся они в середине декабря. Мы его не видали уже год, на каникулы он не приезжал, т.к. готовился к экзаменам.

Я очень радовался, получив «SK» (VIII). Интересно и хорошо. В этом томе я увидел осуществление моей старой мысли, с которой я

---

* Дата — по регистрации канцелярии Института Кондакова

возился — привлечь к работе «СК» образованного богослова [57], не ханжу, не метафизика, а исторически мыслящего ученого.

Мне грустно было читать, что писали Вы и Дм. Ал. <Расовский> относительно Жени Мельникова. Жаль, что так выходит.

Радуюсь за Ник. Петровича <Толля>, что идет у него дело с американцами. Верю, что он станет им так необходим, что, наконец, его оценят и будут оплачивать его труд. Хотя они и англосаксы, но вряд ли у них найдется еще один такой работник. Я-то, ведь, это знаю очень хорошо.

Пожалуйста, поклонитесь от меня всем, у Матушки же прошу молиться за меня.

Целую Вашу ручку, искренно Вам преданный и благодарный,

А.Калитинский

P.S. Адрес В.В.Вейдле: 26, rue Ponssin, Paris 16 (это для Дм. Ал.).

25. Д.А.Расовскому

30 апреля 1937

Христос Воскресе!

Дорогой Дмитрий Александрович,

Поздравляю с праздниками. Шлю привет и всем истинным «кондаковцам», кто сейчас в Праге, кланяйтесь им от меня и поздравьте тоже.

Получил я отчет Института. Благодарю за внимание и память. Прочитал его — многое порадовало, многое опечалило. Но не об этом пишу, хочется знать некоторые подробности о некоторых переменах. Если это Вам не трудно и не скучно, разъясните их мне. Первое, что мне хочется знать — почему произошла смена президентов. Конечно, у всякого человеческого дела имеется две стороны: официальная и по существу, так, вероятно, и здесь. Мне хотелось бы знать и то, и другое, и форму, и существо. А второе, что мне хочется знать, — чем вызвана измена названия сборников [58]? И почему сохраняется старая нумерация, т.е. «анналы» начинаются 9-м, а не 1-м номером? Вот четыре пункта, что интересуют меня. Если ответите на все 4, буду очень благодарен.

Простите, что докучаю, и еще простите, что вкладываю это письмо в письмо к княгине, — приходится соблюдать экономию, да к тому же и адрес один, да и сердце у Вас доброе.

Желаю всего наилучшего, храни Вас Бог,

Ваш *А.Калитинский*

P.S. Раздумал — посылаю письмо отдельно.

А.К.

26. Н.Г.Яшвиль

16 сент<ября> 1937

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Очень и очень благодарю Вас за память и поздравление. Передайте мою благодарность и всему Институту. Я получил также открытку и от Д.А.<Расовского> из Белграда; радостно мне, что вспомнил обо мне и Г.А.Острогорский. Не сразу я Вам ответил, т.к. мы переехали на новую квартиру. Теперь мой адрес: 5, rue Denfert-Rocherean, Boulogne s/Seine. Парижа поминать не следует, чтобы не было путаницы, т.к. и там есть такая же улица. Гостил у нас Андрияша с женой. Они молодцы — милые, и много работают оба. Мы же с М<арьей> Н<иколаевной> больше скрипим, чем живем. Приезд театра принес много огорчения. Совершенно ясно, что Худ<ожественный> театр умер.

Еще раз благодарю Вас, Матушку и всех.

Почтительнейше целую Вашу добрую ручку,

А.Калитинский

27. Н.Г.Яшвиль

5, rue Denfert Rocherean,
Boulogne s/Seine.
<1937>

Глубокоуважаемая и дорогая Наталия Григорьевна,

Примите наши поздравления с наступающими праздниками и наши пожелания всего наилучшего Вам и Матушке в новом году. Так бы

хотелось, чтобы жизнь стала немного легче, но все в воле Божией и да будет так, как Им назначено нам.

В этом году мы проводим праздники одни, т.к. Андрюша свои десять дней отпуска проводит у родных жены. Да и для него это полезно — провести 10 дней в снегу, а не в здешнем переменчивом и сыром климате, тем более, что он сильно устал за истекший семестр. Кроме своих ассистентских занятий, он дает еще частные уроки, а то жалования не хватает на двоих. Итак, мы скучаем и время от времени хвораем. У М<арьи> Н<иколаевны> сердце снова ослабло, часто бывают сильные и длинные припадки, так что ей одной и ходить-то опасно.

Как у Вас идут дела в Институте? Владыка Сергей [59] ничего не мог мне сказать об этом. Мало мне мог рассказать и Зуров [60], который проводил лето в Эстонии с Кокой Андреевым, которого он очень хвалит. Милый Дмитрий Александрович <Расовский> больше мурлычет в своих письмах, Николай Петрович <Толь> из своей далекой Сирии тоже помалкивает. Напишите мне что-нибудь об этом, если только это не отнимет у Вас много времени.

Поклонитесь от меня, пожалуйста, всем, поздравьте с праздниками, я же почтительнейше целую Вашу ручку, прошу у Матушки святых молитв. Марья Николаевна кланяется Вам и шлет свои сердечные пожелания.

Искренно Вам преданный и всегда благодарный,

А.Калитинский

28. Д.А.Расовскому

3 декабря 1937

Дорогой Дмитрий Александрович,

Очень и очень благодарю Вас за присылку книжки Савицкого [61]. И его поблагодарите от меня за любезность. Если не трудно, сообщите мне его адрес. Думаю, что мне удастся достать для него выпуск «трудо кружка к познанию России», тогда и перешлю ему. Повидаю скоро секретаря Историко-генеалогического о<бществ>а и узнаю у него об интересующих Вас работах об Рюриковичах. Что достану, вышлю Вам, но кажется, Флоровский [62] что-то напутал. Во всяком случае, потерпите немного — здесь, в Париже, сообщаться не так-то легко. Радуюсь

Вашим успехам у мадьяр [63], был бы рад и всякому Вашему сообщению о работах и планах И<нститу>та.

Всем кланяюсь, а Вас целую.

Ваш *А.Калитинский*

29. Д.А.Расовскому

23 декабря 1937

Дорогой Дмитрий Александрович,

Как я и думал, Флоровский напутал — Ист<орико>-ген<еологическое> общество ничего такого не издавало, но вот один из членов этого общества издает книжки, проспект которых посылаю при сем. Никакой уступки в цене он не согласен делать, и даром присылать он тоже не хочет.

О желании Савицкого иметь II-ой том «К познанию России» я написал Зварькину, почетному представителю этого Общества, но до сих пор ответа не имею. На днях говорил о том же проф. Анциферову, старик обещал посодействовать и напомнить Зварькину, когда увидит его [64]. Им обоим вместе больше 150 лет, а потому торопиться не к лицу. Нужно еще подождать.

Приближаются Праздники, думаю о всех Вас, о работе Вашей, вспомните и меня, если соберетесь вместе, я же поздравляю Вас всех и желаю всего наилучшего.

Храни Вас Бог.

Ваш *А.Калитинский*

30. Д.А.Расовскому

23 января 1938

Дорогой Дмитрий Александрович,

Вы, вероятно, уже получили проспекты того издания Иконникова, о котором говорил Вам Флоровский. Как я ни подъезжал к автору, он не согласен высылать бесплатно. Что же касается участия Вашего в работе

Истор<ико>-генеалог<ического> общества, то я переговорил с секретарем, Владимиром Александровичем Братцевым, дал ему Ваш адрес, а он обещал Вам написать. Кроме того, он обещал мне внести на ближайшем заседании комитета О<бщест>ва предложение об избрании Вас в члены О<бщест>ва. От Зварыкина по поводу книжки для Савицкого ни слуху, ни духу. Может быть, он уже и послал ее, — я на всякий случай дал старику адрес Ваш, т.к. адреса Савицкого не знаю.

Теперь новые дела. При здешней акад<емической> группе образовалась ком<иссия> для устройства публичных докладов. Н.Т.Беляев внес туда предложения устроить спец<иальное> заседание по вопросам о «Слове о полку Игор<еве>» (его беспокоит Мазон, котор<ый> в Сорбонне доказывает фальсификацию этого памятника). Председатель ком<иссии>, Н.К.Кульман [65], провалил предложение Беляева. Но все же вопрос о «Слове» продолжает волновать кое-кого из группы, и в той же ком<иссии> решено было повыспросить у ученых, занимающихся «Словом», не следует ли, вернее — не своевременно ли объединить эту работу, хотя бы только созданием осведомительного центра — где, кто и над чем работает. Ком<иссия> хотела бы сделаться таким средоточием и просила меня написать Вам, вернее, Институту, об этом и спросить, что Вы думаете на сей счет. Напишите все просто и откровенно мне, а в ком<иссию> я передам то, что Вы пожелаете.

А вот и еще, но это совсем в другом роде. Есть здесь священник, из пражских студентов, о<тец> А.Сергеенко [66]. Задумал он издать в пользу какого-то церковного учреждения икону Б<ожьей> М<атери>. Очень ему нравится та — «рублевская» в красках, что мы когда-то издавали (в маленьком виде с Влад<имирской> иконой и в большом — в «Рус<ской> ик<оне>» Кондакова). О<тец> Андрей просил меня спросить у Вас — не разрешил бы Институт издать эту икону здесь и не прислал бы сюда клише. Оплату пересылки о<тец> Сергеенко мог бы взять на себя, но просит за пользование клише ничего не брать. Обсудите это в Правлении и дайте мне ответ.

А Вы мне обещали прислать оттиски Ваших новых статей — забыли, чай? Как идет дело с заместителем «СК»? Надеюсь — пришлете мне, когда выйдет. Поклонитесь от меня всем. А Ник. Петр.<Толль> все еще в Сирии? Ну, надоел я Вам, небось, со всеми своими вопросами...

Будьте здоровы, храни Вас Господь, а я Вас крепко целую.

Ваш А.Калитинский

31. Д.А.Расовскому

28 марта 1938

Дорогой Дмитрий Александрович,

Очень прошу извинить меня за то, что до сих пор не ответил на Ваше любезное письмо и не поблагодарил Вас за присылку мне тома анналов. Был я болен, потом ездил к сыну, потом опять был болен. Вообще, чувствую себя прескверно. Когда-то я недоумевал, читая Мечникова, — мне казалось надуманным его утверждение, что человек сам захочет умереть, устав от жизни, а потому он все искал способа продлить жизнь человеческую до этого момента. Мне казалось, что человек никогда не захочет умереть, сколько бы ни продолжалась его жизнь. Но, увы, Мечников прав — вкус к жизни, как все у нас, преходящ, исчерпывается, но только для этого вовсе не нужно долго жить; это как у кого, одному нужно много, другому мало, но под конец приходит усталость, желание покоя, а его нет, вот тогда и начинается нудное ожидание медленно приближающегося конца. Это очень скучно, и нет из этого выхода, ибо неизбежное должно совершиться.

Анналы ваши интересны, но самая интересная статья, это — Ваша [67]. Мой милый друг, дорогой Дмитрий Александрович, пишу Вам это без лести, но по совести, по научной совести, она, ведь, обязывает не только бранить, но и хвалить, ибо претендует на объективность. Вообще, вся Ваша научная работа вызывает во мне чувство большой радости, поскольку судьба поставила нас близко друг к другу, и чувство большого удовлетворения, поскольку осталась еще у меня привязанность к науке. Был я как-то на докладе Н.Т.Беляева. Понадобилось ему, по ходу его мысли, дать характеристику Руси XI-XII в., и построил он ее на Ваших работах (очень добросовестно и подробно на Вас ссылаясь). Получилась прекрасная картина, свежая и новая. Все Ваши работы я знаю подробно, но мысли Ваши, освобожденные от всяких научных «лесов» и акриб, увлекли меня наново своей убедительностью.

В Праге теперь, небось, волнительно. Не всегда реалистами на самом деле являются те, кто называет себя таковыми. Я думаю, что в политике, как в искусстве, часто путают реализм с натурализмом, но только здесь эта путаница более трагична. Во всяком случае, сохраняет свое значение старая наша поговорка: паны дерутся, а у мужиков чубы болят.

Нашел я для Ваших выпусков о «Слове» очень интересного сотрудника с очень интересной работой. Это гораздо больше, чем

Кульман. Очень рекомендую Вам проф. Таубе [68]. Вы, вероятно, знаете его работы о Рюриковичах на Двине (вышла по-немецки), сейчас не помню ее точного названия, писал он и о Рюриковом знаке (в сокращении помещена в сборнике Милюкова). У него большие связи с польскими учеными, знает он хорошо последние польские раскопки в Гродне. Вот этот-то материал он привлек к истолкованию некоторых выражений в «Слове». Я слышал его доклад об упоминаемых в «Слове» «гродненских (кажется) трубах». Это есть как раз то, о чем Вы мне писали — археологический (реальный) комментарий. Напишите мне, согласны ли Вы взять статью Таубе, и если да, то когда он должен прислать ее Вам.

Теперь относительно о.Сергеенко. Вы писали, что репродукции «рублевской» Богоматери будут стоить, «кажется», 1000 экз<емпляров> около 1000 крон. Ваше «кажется» смутило о. Андрея, и он просит меня написать Вам, что если 1000 экз<емпляров> будет стоить меньше 1000 крон, то он смог бы заказать у Вас 2000 экземпляров, если же эта тысяча экз. обойдется более 1000 крон, то ему придется ограничиться только тысячей. Он очень благодарит Вас за любезное согласие Института помочь ему и просит сообщить, как перевести Вам деньги, т.е. на чье имя, и как скоро могут быть готовы иконки.

Милый Дмитрий Александрович, не откладывайте ответа на это письмо и не следуйте моему примеру. Поклонитесь от меня всем.

Храни Вас Бог, а я целую Вас крепко.

Ваш А.Калитинский

Архив Института истории искусств АН ЧР.
КІ-17В/66, лл.3-71. Автограф, машинопись.

Примечания

1. Яшвиль Наталья Григорьевна (1861-1939), княгиня, меценат, одна из основателей Семинария Кондакова; занималась иконописью. Проживала в доме, где размещался Семинарий — Slunna Str.1, Orehovka, Praga-6. См.: Андреев Н.Е. Княгиня Н.Г.Яшвиль // *Seminarium Kondakovianum (SK)*. Т.ХІ. Прага, 1940. С.236-240.

2. Рерих Николай Константинович (1874-1947) летом 1930 г. находился во Франции со своим старшим сыном Юрием, возвращаясь из Америки в Индию. А.П.Калитинский встречался с Рерихом в Париже и обсуждал с ним вопрос об аффилиации Семинария с учреждениями Музея Н.Рериха в Нью-Йорке.

3. Русская Икона. Т.І. Альбом. Prague, 1928.

4. Толь (Толь) Николай Петрович (1894-1975), археолог, доктор философии Карлова ун-та (Прага), зам. директора Института им. Н.П.Кондакова. В 1938 году переехал в США.

5. Монахиня Вероника, сестра княгини Н.Г.Яшвиль.

6. Родзянко Татьяна Николаевна (1892-1933), дочь кн. Н.Г.Яшвиль; художник; занималась вышивкой по шелку иконных изображений; лучшая икона Божией Матери «Знамение» находится в Бостоне, США.

7. Калитинская (Германова) Мария Николаевна (1885-1940), актриса Московского Художественного театра (МХТ); жила в эмиграции в Берлине, Праге и Париже, организовала «Пражскую группу» МХТ.

8. Калитинский Андрей Александрович (1914-1988), сын А.П.Калитинского и М.Н.Германовой.

9. Завазил (Dr.Zavazal), заведующий русским отделом Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики; Макса, вероятно, сотрудник этого министерства.

10. Эмалевая мастерская была организована кн. Н.К.Тенишевой в Париже и после ее смерти, согласно завещанию, перевезена в Прагу, в Институт им. Н.П.Кондакова, где ее возглавила Т.Н.Родзянко.

11. В октябре 1928 г. президент Чехословацкой Республики Т.Г.Масарик учредил при Семинарии стипендии для неимущих русских студентов Карлова ун-та, избравших своей специальностью русскую археологию, историю искусств и близкие к ним дисциплины. На эти стипендии Семинарием были приняты Е.И.Мельников и студент философского факультета Н.Е.Андреев.

12. Нидерле Любор (1865-1944), чешский археолог, историк, иностр. чл.-корр. Петерб. АН (1906); профессор пражского ун-та (1898-1929); специалист по славянским древностям. Инициатор приглашения Н.П.Кондакова в Прагу и издания его фундаментального труда «Русская Икона» русским отделом Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики. После смерти Кондакова в 1925 г. Министерство поручило издание «Русской Иконы» Институту им. Н.П.Кондакова.

13. Андреева Мария Александровна (1900-194?), д-р философии Карлова ун-та в Праге, магистр всеобщей истории; сотрудник Института им. Н.П.Кондакова.

14. Расовский Дмитрий Александрович (1902-1941), историк, д-р философии Карлова ун-та в Праге; сотрудник Института им. Н.П.Кондакова; в 1938 г. переехал с Институтом в Белград; научные труды посвящены истории Руси и кочевникам.

15. Вернадский Георгий Владимирович (1887-1973), историк, востоковед, проф. Карлова ун-та в Праге (1922-1927), затем проф. Йельского ун-та, США (1927-1956); известен как автор «Истории России» на англ.яз.

16. Рерих Юрий Николаевич (1902-1960). Речь идет о письме Ю.Н.Рериха А.П.Калитинскому от 25 июня 1931 года. См.: Ариаварта. Нач. вып. СПб, 1996. С.171-173.

17. Коковцев В.Н., граф, председатель Совета Союза ревнителей памяти Императора Николая II. Оказывал материальную поддержку Институту им. Н.П.Кондакова. В 1933 г. в Париже вышли мемуары В.Н.Коковцева «Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919». Т. I, II.

18. Де-Бай Жозеф (1853-1931), барон; специалист по древней истории и археологии Франции; путешествовал по Кавказу и России в конце XIX — начале XX вв.

19. Лосский Владимир Николаевич (1909-1958), православный богослов, сын известного русского философа Н.О.Лосского, проживавшего в эмиграции с 1922 г. В Праге учился у знаменитого византолога Н.П.Кондакова. См.: Богословские труды. 1972. № 8.

20. Святополк-Четвертинская Екатерина Константиновна (ум.1942), княгиня, ближайшая подруга и сподвижница кн. М.К.Тенишевой. Благодаря усилиям Святополк-Четвертинской и А.П.Калитинского в 1930 г. в Праге была издана диссертация Тенишевой «Эмаль и инкрустация», на защите которой в Московском археологическом ин-те в 1916 г. Калитинский выступал оппонентом.

21. Основатели Семинария Н.П.Кондакова в Праге: Н.Г.Яшвилъ, А.П.Калитинский, Г.В.Вернадский, Н.П.Толь, Н.М.Беляев, Т.Н.Родзянко.

22. Кондаков Никодим Павлович (1844-1925), русский ученый, специалист по истории византийского и древнерусского искусства, акад. Петерб. АН (1898); проживал в эмиграции (с 1922) в Софии и Праге.

23. *Seminarium Kondakovianum*. Сборник статей по археологии и византиеведению, издаваемый Институтом им. Н.П.Кондакова. Вып.V. Прага, 1932. Выпуск посвящен памяти Н.М.Беляева, трагически погибшего 23 дек. 1930 г.

24. Тенишева Мария Клавдиевна (1867-1928), княгиня, меценат, художница, специалист по эмалям; основательница Эмалевой мастерской в Париже. До эмиграции в усадьбе Талашкино под Смоленском организовала художественные мастерские по изготовлению предметов быта, одежды в русском народном стиле. В 1933 г. Русским Историко-генеалогическим обществом в Париже была издана книга М.К.Тенишевой «Впечатления моей жизни» с предисловием А.П.Калитинского.

25. Сураварди Шахид Зэхава (1890-?), индийский ученый, специалист по мусульманскому искусству, знаток русской литературы. Жил в России с 1916 г.; в 1920 г. уехал в Европу вместе с Качаловской группой МХТ. В 1930-х годах возвратился в Индию.

26. Вел. кн. Андрей Владимирович (1879-1956), сын Вел. кн. Владимира Александровича (брата императора Александра III), двоюродный брат императора Николая II; муж известной русской балерины Матильды Феликсовны Кшесинской.

27. Вероятно, Плаутин Сергей Николаевич (1897-1969), автор кн. «Слово о полку Игореве» (Париж, 1958).

28. Типольт Николай Аполлонович (1864 - после 1937), барон, член Императорского общества поощрения художеств (ИОПХ), до 1916 года — казначей Русского генеалогического общества; автор книги (совм. с Лукомским В.А.) «Русская геральдика» (Пг.: ИОПХ, 1915); в 20-е годы — ст. архивист Академии материальной культуры.

29. Беляев Николай Тимофеевич (1878-1955), проф. Михайловской артиллер. академии; член совета Лондонского минералогического об-ва, Общества аэропланых инженеров и Королевского ин-та; сотрудник Metallургического ин-та по сварке в Париже. Известен рядом историко-научных работ. Всеобщий интерес историков вызвало исследование Беляева «Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи» (Прага: SK, 1929. Т.III).

30. Прибыловский Александр Иванович; Рутковский Николай Петрович; Елисеев Сергей Григорьевич (до 1931 г. жил во Франции, проф. в Школе живых восточных языков в Париже; с 1932 г. — в Америке, преподавал в Гарвардском ун-те), Богданов, Ренгартен А.И. — члены-корреспонденты Института им. Н.П.Кондакова.

31. Вернадская-Голль Нина Владимировна (1898-1986), жена Н.П.Голля, сестра Г.В.Вернадского, одного из основателей Семинария Кондакова; врач-психиатр.
32. Беляев Николай Михайлович (1899-1930), д-р философии Карлова ун-та в Праге; один из основателей и сотрудник Семинария Кондакова; труды посвящены древнерусской иконописи.
33. Андреев Николай Ефремович (1908-1982), сотрудник Института им. Н.П.Кондакова, с 1939 г. — директор Института. Речь идет о статье Н.Е.Андреева: О «Деле дьяка Висковатого» (СК, V. Прага, 1932. С.191-241).
34. Ростовцев Михаил Иванович (1870-1952), русский историк античности и археолог, после 1917 г. проживал в эмиграции в Европе и США, проф. Йельского ун-та. Речь идет о его книге «Скифия и Боспор» (1925).
35. Вероятно, отец Савва (Шимкевич) (1899-1961), архимандрит.
36. Мысливец Иосиф (Myslives J.), член-корр. Института им. Н.П.Кондакова. В СК, вып.V, опубликована его работа «Сказания о переписке Христа с Авгаром на иконе XVII в.», с.185-190.
37. Окунев Николай Львович, искусствовед, проф. Карлова ун-та в Праге, член-корр. Института им. Н.П.Кондакова.
38. Мошин Владимир Алексеевич (1894-1987), историк, жил в эмиграции в Югославии (с 1921), приват-доцент Белградского ун-та. Член-корр. Института им. Н.П.Кондакова. Речь идет о рецензии В.А.Мошина на статью Н.Т.Беляева «Рюрик Ютландский и Рюрик Начальной летописи» (Прага: СК, 1929. Вып.III), опубликованной в «СК», вып.V.
39. Андреев Николай Ефремович и Мельников Евгений Иванович, сотрудники Института им. Н.П.Кондакова.
40. Рецензия Е.И.Мельникова на книгу Гезы Фехера (Les monuments de la culture protobulgare et leurs relations hongroises. Будапешт, 1931) опубликована в «СК», вып.V.
41. Речь идет о репродукции иконы Тихвинской Божьей Матери.
42. Журнал «Eurasia Septentrionclis Antiqua» (ESA) издавался в Гельсингфорсе, Финляндия, под ред. А.М.Тальгрена и У.Т.Сирелиуса (с 1930 г. — И.Манинена). Вначале был посвящен преимущественно вопросам доисторической археологии Евразии, позже — этнографическим проблемам. В ESA, V (Helsinki, 1930) опубликовано исследование А.М.Тальгрена «Памятники Кавказа: Казбекский клад». Автор ссылается на статью А.П.Калитинского «Из истории фибулы на Кавказе» и именно на его работе строит свои определения этих фибул.
43. Статья Н.П.Рутковского по докладу об «Убрусе» в трудах Института им. Н.П.Кондакова опубликована не была.
44. Церковь Преподобного Серафима Саровского находится в Париже, 91, rue Lecourbe. Будучи членом Церковного Совета, А.П.Калитинский, специалист по древнерусскому искусству, консультировал Н.В.Глобу — бывшего директора Московского художественного (Строгановского) училища, который расписал церковь иконами и орнаментом. Особенность храма состояла в том, что при строительстве плотники сохранили старые деревья, пронзавшие крышу: одно дерево оказалось в алтаре, а другое — в центре храма. Редкую энергию и заботу о церкви проявил Товарищ Председателя Церковного Совета граф В.Н.Коковцев. См.: Митрополит Евлогий. Ук. соч.
45. Русская Икона. Т.IV. Текст, часть вторая. Прага, 1933. 200 с.

46. Вейдле Владимир Васильевич (1895-1979), уроженец Петербурга, проф. Парижского Православного Богословского ин-та, один из интереснейших мыслителей русского зарубежья. Главный труд «Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества» (Париж, 1937; СПб, 1996).

47. Предположительно речь идет о спектакле «Преступление и наказание» (на фр.яз.).

48. Грабар Андрей Н. (1896-1990), историк искусств, византист, ученик Н.П.Кондакова; доктор honoris causa университетов в Пристоне, Упсале (Эстония), Эдинбурге. Основал «Археологический журнал» (1945) для освещения исследований истоков христианского искусства на Западе и на Востоке. В публикуемом письме речь идет о репродукции из книги Грабара «Нерукотворный Спас Ланского Собора». Памятники Иконописи. Вып. III. Прага: SK, 1930.

49. Митрополит Евлогий (Георгиевский Василий Семёнович) (1868-1946), митрополит Западно-Европейских православных русских церквей. См.: Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Париж, 1947.

50. Отец Георгий (Спасский) (1877-1934), русский священник, живший в эмиграции в Париже. См.: Издательский комитет по увековечению памяти о. Георгия Спасского. Париж, 1938. 368 с.

51. Настоятелем храма Пр. Серафима Саровского был священник Дмитрий Троицкий; отец Михаил Яшвил (1902-1950), иерей.

52. Бруцкус Ю.Д. Варяги и колбяги // SK. Вып. VII. Прага, 1935. С. 81-100.

53. Клетнова Екатерина Николаевна (1869 - после 1932), вяземская помещица, археолог, изучала курганные древности Смоленского и Вяземского уездов. С 1917-го в эмиграции в Праге. Член-корр. Института им. Н.П.Кондакова. См.: Алексеев Л.В. Е.Н.Клетнова — один из первых смоленских археологов // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С.121-136.

Рябушинский Владимир Павлович, председатель общества «Икона», учрежденного в Париже в 1927 г.

Башмаков А.А., (1858-?) этнограф, библиотекарь Института палеонтологии человека, преподаватель Школы антропологии в Париже.

54. Н.П.Толь в 1934-1937 гг. участвовал в американской экспедиции на раскопках Дура-Эуропос (Сирия).

55. Острогорский Георгий Александрович (1902-1976), югославский историк, специалист по истории Византии, член-корр. Института им. Н.П.Кондакова.

56. Крэн Чарльз Ричард (Crane) (1858-1939), известный американский общественный деятель; меценат; помогал становлению Кондаковского ин-та, входил в Совет Института.

57. Монах Василий (Кривошеин). Аскетическое и богословское учение Св. Григория Паламы // SK. Вып. VIII. Прага, 1936.

58. Труды Института им. Н.П.Кондакова «Seminarium Kondakovianum», начиная с выпуска IX (1937), получили новое название: Annales de l'institut Kondakov (Suite de la serie SK).

59. Владыка Сергей (Королёв Аркадий Дмитриевич) (1881-1952). С 1922 года викарий митрополита Евлогия и настоятель храма Св. Николая в Праге. Несколько раз выезжал за границу Чехословакии во Францию, Германию, Италию, Швецию и Финляндию. Осенью 1950 года вернулся в Россию из эмиграции и был назначен архиепископом Казанским и Чистопольским. См.: Журнал Московской Патриархии. 1953. № 12. С.4-6.

60. Зуров Леонид Федорович (1902-1971), писатель, с 1922 года в Праге, под руководством Кондакова изучал античное искусство. Секретарь молодёжной секции Союза русских писателей в Париже.

61. Савицкий Петр Николаевич (1895-1968), основатель евразийства; о какой книге идет речь, неизвестно.

62. Флоровский Антоний Васильевич (1884-1968), историк, проф. Карлова ун-та. Возглавил реорганизацию Института им. Н.П.Кондакова в последний период его существования (1945-1952).

63. Речь идет об экспедициях Д.А.Расовского в Венгрию, результаты которых были опубликованы в виде серии статей. См.: СК. Вып. VII-XI (Прага, 1935-1940).

64. Зворыкин — инициатор создания «Кружка к познанию России». Труды участников «Кружка» были изданы в двух томах: I, 1929-1934; II, 1934-1936.

Анцыферов Александр Николаевич, гл. ред. журнала «Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации» (Прага, 1925-29), член Русской академической группы в Париже, основатель Семинара по теории политической экономии.

65. Кульман Николай Карлович (1871-1940), профессор, редактор газеты «Пушкин» (однодневка) (Париж, 1937).

66. Отец Андрей (Сергиенко), священник, член Братства им. Преподобного Сергия Радонежского при Православном Богословском институте в Париже.

67. Расовский Д.А. Пределы «поля половецкого» // СК. Вып. IX. Прага, 1937. С.71-85.

68. Таубе Михаил Александрович (1869-1961), барон, доктор международного права; проф. Петербургского ун-та; Товарищ Председателя Русского генеалогического общества; с 1917 г. в эмиграции во Франции. Член Русского историко-генеалогического об-ва в Париже.